

СВЕТЛАНА
НИКИШИНА

БАРОНЕССА
ПО НЕВОЛЕ

Светлана Никишина

Баронесса Поневолё

«Автор»

2024

Никишина С. А.

Баронесса Поневолe / С. А. Никишина — «Автор», 2024

Луизу прямо со свадьбы похищает могущественный барон, очарованный ее красотой, и намеревается сделать ее своей. И лишь несчастный случай спасает девушку от неминуемого позора. Но чтобы выжить, она вынуждена назваться баронессой и править замком...

© Никишина С. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ЧАСТЬ 1. Глава 1.	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Светлана Никишина

Баронесса Поневоле

ЧАСТЬ 1. Глава 1.

Замок Фон Гартман, 1703 год

С сияющими от счастья лицами они стояли, взявшись за руки. Священник назвал их мужем и женой, скромно обвенчав в маленькой кирхе. Молодых ждал праздничный обед, накрытый родственниками жениха и деревенскими жителями на просторной поляне близ вишневых деревьев. На редкость солнечная погода наполняла душу теплом и светом.

Луиза была изумительно хороша в своем платье из беленого полотна, расшитого по груди и рукавам причудливым узором из мелких камней. Густые каштановые волосы крупными локонами ниспадали до пояса и обрамляли безупречный овал лица. Белая кожа, красиво очерченные губы, тонкий носик делали ее необычайно привлекательной, а взгляд карих с янтарными искрами необыкновенно теплых глаз, опущенных темными ресницами под бровями вразлет, притягивал, обволакивал, околдовывал и не отпускал.

Она вышла замуж за самого красивого, гордого и желанного мужчину, которого знала всю жизнь. Они жили на разных концах деревни, но он с раннего детства, словно преданный рыцарь, всегда был рядом: радовался ее успехам, утирал слезы при неудачах, прятал от гнева злобной тетки, угощал крыжовником, ее любимыми ягодами, защищал от долговязых мальчишек, скорых на всякие вредные козни, забавы и шалости. А после навещал в монастыре, куда ее в тринадцать лет пристроила тетка, не желая более кормить своенравную девчонку, дочь сестры, умершей вторыми родами.

Филипп вернулся домой более года назад. По настоянию отца, деревенского старосты, он два года жил в Бонне, где обучался наукам. По возвращении он сразу отправился к аббату Бенедикте за своей суженой.

Сидя за столом рядом со счастливым женихом, Луиза в трепетном ожидании первой ночи, поглаживая колечко на пальце, считала часы, когда будет всецело принадлежать Филиппу. Ее не страшило предстоящее, она желала близости и верила, что это будет волшебная ночь, ибо их брак совершен на небесах.

Гости поздравляли молодых, желали здорового потомства, от души налегали на знатное угощение и крепкое хмельное, не забывая о советах и назиданиях.

В самый разгар свадебного пира на поляну неожиданно ворвалась дюжина всадников на мощных конях. Гости всполошились: женщины ахнули, мужчины повскакали с мест.

– Надеюсь, никто возражать не станет, если барон присоединится к торжеству, – окинув властным взглядом застолье, громко провозгласил хозяин местных владений Вольф Фон Гартман, возвращавшийся из рейда по своим северным поместьям, где жестоко расправился с мятежным вассалом.

– Это великая честь, ваша милость, – поднявшись с места, почтительно произнес Филипп и низко поклонился важному гостю.

В тот же миг могущественному барону преподнесли полный кубок крепкого вина. Не слезая с коня, он выпил его до дна, смачно вытерев губы, отбросил от себя в сторону и соскочил с седла. Устремив пронзительный взгляд на невесту, он подумал, что она слишком восхитительна для деревенской пасторали.

– Теперь желаю поздравить невесту. – Гость, одетый во все черное, словно дикий кот, потянулся к Луизе, чтобы поцеловать ее, но она в испуге отпрянула и уткнулась лицом в плечо

жениха. На мгновение к ней вернулась утренняя тревога, когда непонятно почему сердце охватило чувство неминуемой беды. Не решаясь поднять глаза, она всеми силами старалась скрыть свое смятение.

Барон нахмурил брови, но, чуть склонившись, взял руку девушки и губами слегка коснулся дрожащих пальчиков. Подняв голову, он натолкнулся на смущенный взгляд, а в следующее мгновение необыкновенно выразительные глаза опалили его янтарным огнем, вызвав спазм в горле. В голове у него помутилось от внезапно вспыхнувшего и неудержимо разгорающегося желания немедленно овладеть этой невероятно возбудившей его женщиной.

Луиза отдернула руку так неожиданно, что он пошатнулся, но не отошел, а медленно снял свой перстень и протянул его прекрасной деве, не отрывая горящих глаз от мягкой припухлости ее губ:

– Я заявляю на тебя права.

– Это невозможно, – испуганно ахнула она и, оттолкнув дорогой подарок, спрятала руки за спину.

– Я воспользуюсь правом первой ночи сюзерена.

– Вы не посмеете! – вырвалось у Филиппа, и он заслонил собой Луизу.

– Это мое непреклонное решение, – жестко отрезал Фон Гартман, не обращая внимания на гул недовольства и появившийся ужас на лицах гостей.

– Вы зашли слишком далеко, барон. Это древний, дикий и унижительный обычай.

– Но его никто не отменял! – разразился злорадным хохотом вельможный дворянин. – Ты мой вассал, и обязан подчиниться своему господину.

– Но не в этом гнусном требовании. Оно недостойно высокого титула, – от отчаяния и гнева смело возразил Филипп.

– Не такого ответа я ждал, – скрипнул зубами барон. – Твой господин не из тех, кого можно безнаказанно ослушаться, – и, огласив двор витиеватым ругательством, угрожающе надвинулся на дерзкого деревенщину.

У Луизы все похолодело внутри, казалось, она физически ощущала неотвратимо надвигающуюся беду: вот он, привидевшийся ей черный всадник, заслонивший солнце.

Пытаясь отогнать призрачный образ, она негромко произнесла:

– Вы слишком жестоки, господин.

– Ты тоже осуждаешь меня? – надменно поднял брови Фон Гартман. – Я вел себя невежливо, напугал тебя, прошу прощения. – Он небрежно поклонился, скользя глазами по ее телу.

– Я недостойна вашего внимания. Во мне нет ничего особенного.

Робко произнесенные слова не обманули его: смирения в голосе девушки не было и в помине.

– Я сражен, красавица, твоей скромностью! Однако, какая нелепая чушь в твоих устах! Не терплю, когда мне перечат! Подойди ко мне. Я вовсе не такое чудовище, как ты думаешь.

– Нет! – Луиза просто не могла сдержаться и почти обезумела от желания перечить, сопротивляться, оскорблять. – Никакая сила на земле не заставит меня согласиться.

– Я не обижу тебя, девушка, – на удивление мягко промолвил Вольф.

– Нет!

– Ты понапрасну теряешь время. Не испытывай моего терпения! – Барон властно схватил ее за запястье. Жажда обладания, клокочущая внутри мужчины, становилась невыносимой.

Луиза вскрикнула, но не отпрянула, а, поежившись от жесткой хватки, едва сдерживая негодование, холодно произнесла:

– Ваше драгоценное внимание оставит на руке браслет из синяков. – Она хотела, чтобы ее презрение заставило неожиданного кавалера отступить.

«Бог мой, а она смелая!», – восхитился самообладанием девушки Вольф.

– Вы без труда найдете ту, кто с радостью согреет вашу постель, – вступился за невесту Филипп, бросив на хозяина взгляд, полный бессильной ненависти.

– Не тебе решать, что мне делать.

– Она моя!

– Ты делаешь ошибку и не оставляешь мне выбора. Покоришься моей воле, или я уничтожу всю деревню.

Ропот недоумения, перемешанный со страхом, недовольством, враждебностью, становился все громче, но никто не отважился открыто прекословить могущественному господину – за спиной барона угрожающе обнажили мечи свирепые воины.

– Я ничего вам не должна! – вскинула голову невеста.

– Довольно препираться! Ты не смеешь отказаться даже в мыслях, – теряя терпение, вспылал барон.

Луиза увидела, как сильно сжались его кулаки, и в испуге издала невнятный звук.

– Беги! – в надежде на спасение подтолкнул Филипп невесту и схватил со стола нож.

Она бросилась бежать, он что-то кричал ей вслед, но она не разобрала. Луиза неслась с закрытыми глазами, наивно надеясь, что темнота укроет ее от бесчестия.

– Хватай ее! – закричали люди барона.

– Ату! Ату!

– Далеко не уйдет!

В три скачка настиг ее великан с огромными ручищами, без труда схватил и легко перекинул впереди себя. Она отчаянно сопротивлялась, извивалась, била кулачками по бокам коня и ногам наездника, безуспешно пытаясь соскользнуть на землю. Одной рукой надавив на спину девушки, другой направив скакуна к грозному господину, всадник с беззлобным смехом произнес:

– Норовистая кобылка. Кусается, – и скинул беглянку к ногам хозяина.

Она не удержалась от падения, но вскочила и смело взглянула на высокомерного тирана. Он возвышался над ней с выражением жестокого собственника на лице. Барону изрядно наскучила непокорность девицы:

– Ты получишь то, что заслуживаешь, – мрачно процедил он.

Сердце плененной невесты наполнилось гневом, но она не дала ему вырваться наружу, в ужасе взирая на жениха с поднятым в руке ножом, когда услышала злобный вопль:

– Как ты осмелился угрожать хозяину? Ты, земляной червь! Да я раздавлю тебя как ядовитую гадину!

– Отпустите ее! – не обращая внимания на угрозу, кинулся спасти невесту Филипп, но наткнулся на острие меча.

– Прочь с дороги! Ты поступаешь глупо. Я верну ее с щедрыми дарами, – на мгновение смягчился рассвирепевший барон.

– Подавись ими, ублюдок! – воскликнул Филипп, целясь ножом в горло коварного нечестивца. Ему тут же выкрутили руки.

Барон отшатнулся, выхватил меч и, не раздумывая, хладнокровно вонзил его в самое сердце непокорного подданного.

– Лу... – прохрипел Филипп, рухнул на колени и больше не шелохнулся.

Пронзительный вопль огласил поляну и потонул в белоснежной кроне цветущих деревьев. Луиза потеряла сознание. Она не слышала ни надрывного плача вслед удаляющемуся топоту копыт, ни печального шелеста вишневого листы и опадающих лепестков.

Луиза медленно открыла глаза: тупая боль отдавалась в висках, во рту стояла горечь, тело не слушалось. Боясь пошевелиться, она обвела тусклым взглядом помещение. Оно было ей незнакомо. Силась понять, где находится, девушка осторожно приподнялась на роскошной

кровати под балдахином, закрепленном на витых столбах с вылепленными ангелочками среди виноградных гроздей. Она сползла с нее, немного полежала, прижавшись лбом к каменному полу, и босиком заковыляла к узкому окну.

Окно выходило в огороженный каменной стеной сад.

Рассеянный взгляд девушки выхватил фигурки двух гномов у сухого ручья. Она тихонько вздохнула, подумав, что лица каменных обитателей строгого сада чем-то очень опечалены. Это мысль вспыхнула в памяти тревожными картинками: свадьба, черный рыцарь, кровь... Луиза хоть и с трудом сообразила, что находится в замке бездушного похитителя, и сердце ее наполнилось гневом.

Она отвернулась от окна, когда тяжелая дверь распахнулась, и на пороге появился барон. Высокий, хорошо сложенный, с пронзительными синими глазами он стоял в дверном проеме, словно картина в раме.

– Очнулась? Очень рад. – Вольф по-хозяйски вошел в комнату и приблизился к Луизе, не спуская с нее глаз.

– Боюсь, не могу ответить вам тем же, – холодно произнесла Луиза. – Я хочу домой! Немедленно отвезите меня туда.

– Теперь твой дом здесь. Если помнишь, я забрал тебя.

– Я что, пленница? Вы хотите получить выкуп? Назовите цену, мой муж заплатит, – гордо вскинула она подбородок.

– Что мне его жалкие гроши! – брезгливо поморщился хозяин замка. – Это покои баронессы.

– Поэтому мне здесь не место, – запальчиво возразила девушка, но тут же осеклась.

Внезапно вспомнились дошедшие до деревни рассказы о жестоких играх, затеваемых в угоду господину, о вольном, если не сказать, разгульном поведении обитателей и гостей замка, о вспыльчивом, необузданном и беспощадном нраве барона, о двух его безвременно умерших женах. Но в другую секунду голос ее окреп:

– Могу я поинтересоваться, что мне уготовано?

– Ты не вправе задавать мне вопросы, но я отвечу. Ты останешься здесь, быть может, навсегда.

– Это невозможно! Я замужем.

Луиза вскинула руку, чтобы предъявить обручальное кольцо, но его не оказалось на месте. «Неужели потеряла?».

– Где мое кольцо?

– Я выбросил его. Оно теперь без надобности.

– Вы сумасшедший! Я уйду! – она кинулась к двери.

– Не трудись понапрасну! – Барон схватил ее за руку и швырнул на кровать. – Тебе не вырваться, не сбежать. И куда ты пойдешь? Твой жених мертв.

– Почему я должна вам верить? – вскочив на ноги, истерично выкрикнула девушка.

– Потому что я – твой господин, – громогласно заявил барон, на что Луиза, собрав все свое мужество, ответила с ледяным спокойствием:

– Я пред алтарем признала своим господином мужа и поклялась ему в верности.

– Пока смерть не разлучит вас. – Ее высокомерный тон и холодное выражение лица разозлили Вольфа, в сердцах он замахнулся, чтобы ударить непокорную, но вместо этого рубанул рукой воздух и произнес с убийственным равнодушием: – Он не станет требовать выполнения клятвы. Его больше нет! Ты – вдова!

– Это неправда! Гнусная ложь! – не сдавалась Луиза.

Но в следующее мгновение ее мучитель с мрачной решимостью схватил за плечи, сильно встряхнул и наклонился к ее уху:

– Готовься! Сегодня я возьму тебя! Твоя холодность не остановит меня.

Вкрадчивый и в то же время угрожающий голос показался Луизе змеиным шипением. В немом неповиновении она отвернула голову. Ей удалось промолчать, но вся ее поза буквально кричала: «Не покорюсь!».

С топотом, гулким эхом пронесшимся под сводами замка, барон покинул спальню и устремился в свое излюбленное убежище – оружейную. Здесь, в окружении смертоносного оружия, он чувствовал себя господином, воином, победителем.

Вольф был вторым сыном барона Фон Гартмана, принадлежавшего к знатному прусскому роду, предок которого снискал внимание короля за верность, бесстрашие и победные набеги на врагов, за что был жалован замком и землями, расширившими и укрепившими его владения и власть.

Все свое внимание, как и было принято, отец уделял наследнику: обучал военному искусству, брал с собой в походы, гордился его успехами и всем ставил в пример. Вольф, не обремененный долгом и обязанностями наследника фамилии, не роптал на участь второго сына, с наслаждением пользовался предоставленной свободой. Он по-своему любил брата, но ни в чем не мог с ним сравниться. Так и не заслужив похвалы отца, признания собственных достижений, а он был одним из лучших наездников, отлично владел любым оружием, замкнулся и затаил обиду.

Старший брат был вполне счастлив: унаследовав титул и все, что к нему прилагается, стал рачительным хозяином и влиятельным бароном, женился на прелестной дочери графа, доброй и любящей, которая через три года брака сумела родить сына, крепкого малыша, хотя две предыдущие беременности заканчивались выкидышем. Сына называли Карлом.

Постепенно детская зависть Вольфа к брату разрасталась и вскоре превратилась во всепоглощающее желание занять его место, завладеть фамильным замком и обширными землями; оно затмило разум, овладело душой и мыслями. Он считал, что ничем не хуже брата: хорош собой, хитер, удачлив, считал, что достоин всего самого лучшего – самой дорогой одежды, самого резвого коня, самых роскошных женщин, самого высокого положения.

Неожиданно мечта Вольфа сбылась – он стал шестым бароном Фон Гартман. Брат с женой погибли, отправившись навестить больного отца баронессы. Несчастный случай. Вольф был безутешен, но сделал все, что требовалось для траурной церемонии. Скорбь его была безгранична.

Приняв титул, новый барон женился на дочери маркиза, которая принесла ему богатое приданое, но после мучительных схваток умерла родами, а через несколько часов за ней последовал и ребенок, девочка. Убитый горем, он пустился во все тяжкие. После очередной пьяной оргии Вольф проснулся в постели невзрачной старой девы и был уличен ее родителями в соращении девицы. Дабы избежать скандала и мести влиятельной семьи, барон вынужден был жениться. Этот брак, как и первый, удвоил его состояние, но не сделал счастливым и не дал наследника. Родив дочь, как две капли похожую на красавца отца, жена вскоре умерла, подавившись рыбной костью.

Гнев отступил. Вольф задумался: что с ним происходит? Самый знатный в округе человек, в фаворе у короля, богат, хорош собой, и, несмотря на свои сорок четыре года, по-прежнему был гибок и мускулист. Сплетники осуждали его за холодность. Синеглазый красавец мог влюбить в себя кого угодно, но ловко избегал ловушек, расставленных на него мамашами девиц на выданье и молодыми вдовами, и предпочитал женщин, не обремененных условностями. Он не помышлял жениться, но знал, что мог выбрать богатую и титулованную...

«Уж во всяком случае, не деревенскую, без родословия и состояния».

Вольф сосредоточился на пустом бокале из-под эля: не иначе он бредит, считая чужую невесту самым прекрасным созданием, какое ему когда-либо приходилось видеть. «Тело рас-

путницы, лицо святой...чертовски соблазнительная... Она рождена для греха, – внушал он себе. – Даже мысли о ней возбуждают желание».

К чему приведет это безумное стремление обладать похищенной женщиной, которую он готов добиться любой ценой? Его возбуждение требовало взять ее, но не как бесчувственную куклу, он жаждал ответного чувства.

Знаменитое самообладание, благодаря которому друзья и соседи называют его Холодный Вольф, грозило разбиться о надменную неприступность красавицы и разлететься на мелкие острые осколки.

Глава 2

Луизу охватило беспросветное отчаяние, она металась по комнате, разрываясь между горем и неверием.

– Это неправда, Филипп не мог умереть!

Ее бросало то в жар, то в холод от попытки отогнать видение: Филипп медленно оседает на землю, и кровавое пятно прямо под сердцем неудержимо растекается по нарядной тунике. Луиза прошлась дрожащей рукой по лицу: как поверить в страшную гибель мужа? Ведь она не видела ни отпевания, ни похорон, не разделила горе с родными. Ответа не нашлось. Ее любимый умер, ушел из ее жизни ею неоплаканным.

Опираясь подбородком на сплетенные руки, Луиза безжизненно смотрела перед собой. И только заслышав тихое покашливание, поняла, что не одна в комнате.

– Вы кто? Зачем здесь?

– Я Марта. Буду прислуживать вам.

– Я не просила.

– Господин позаботился.

Луиза, взглянув на юркую рыжеволосую девушку, хотела прогнать ее, но быстро смекнула, что с помощью служанки сможет выбраться из замка, потому решила быть с ней приветливой и воспользоваться ее услугами.

– Я бы хотела вымыться.

– Вода уже готова, госпожа. Пойдемте. Рада услужить, – предложила Марта.

Луиза с удовольствием погрузилась в глубокую и просторную медную ванну, отметив про себя пристрастие хозяина к удобству, что посчитала невиданной роскошью. Она воспользуется его гостеприимством и... сбежит.

– Какая у вас белая кожа, без единой веснушки, – между тем щебетала Марта, – а волосы – чистый шелк. Барон задохнется от восторга.

Луиза не вслушивалась в слова служанки, она, не мигая, смотрела перед собой, не переставая строить планы, как незаметно ускользнуть из логова проклятого похитителя.

Внезапно она ухватила девушку за руку и от волнения заговорила дрожащим голосом:

– Вы должны помочь мне бежать. Барон похитил меня, я здесь против воли. Умоляю, помогите! Марта испуганно пискнула:

– Что вы, госпожа! Это невозможно! Он убьет меня!

Выпученные от страха глаза девушки не оставили сомнений – на нее надежды нет. Луиза благоразумно промолчала, надеясь позже добиться понимания, жалости и помощи расторопной служанки, и принудила себя слегка слукавить:

– Я бы хотела погулять вокруг замка, он такой красивый.

– Увы, госпожа, вам нельзя отлучаться и выходить за ворота. Вы очень слабы, два денечка без сознания были. Хозяин страшно волновался и кричал.

Марта прошлепала за льняным полотном, обернула в него красавицу – гостью хозяина – и насухо ее обтерла.

– Благодаря тебе мне намного лучше. Мне очень повезло с тобой, девушка, – на всякий случай польстила Луиза.

– К услугам вашей милости!

– Но коль скоро мне предстоит здесь жить, могу я ознакомиться с внутренними помещениями?

– С радостью проведу вас по всему замку, – без колебаний согласилась служанка.

Наскоро проглотив поданный в спальню обед, Луиза нетерпеливо поджидала Марту, чтобы поскорее отправиться выяснять возможности побега. Она то и дело поглядывала на дверь, опасаясь появления барона.

– Пожалуйте, госпожа, я покажу вам дом, – с готовностью распахнула дверь Марта.

– Что ж, приступим к осмотру моей тюрьмы.

Дом произвел на девушку потрясающее впечатление своими размерами и богатым убранством. Помимо воли Луиза залюбовалась высокими каменными сводами потолков, узкими витражами окон, винтовыми лестницами, гобеленами и охотничьими трофеями на стенах. Неспешно шествуя по длинным анфиладам этажей, Луиза внимательно слушала служанку, стараясь запомнить расположение комнат, гостевых спален, кладовок, чуланов, лестниц, все повороты и лазейки для слуг.

– Здесь покои хозяина, – услужливо сообщила Марта. – Очень большие и очень...

– Они меня не интересуют, – оборвала ее Луиза. – Уйдем отсюда.

Отдав должное несколько тяжеловатому величию жилища барона, она не на шутку расстроилась: незаметно выбраться отсюда не представлялось возможности. Повсюду воины, слуги, надежно охраняемые двери.

– В то крыло мы не пойдем, госпожа.

– Почему?

– Там никто не живет, кроме старой служанки и кормилицы племянника нашего барона.

– У этого злодея есть маленький племянник? Несчастный ребенок.

– О, нет! – испуганно оглянулась Марта. – Наш хозяин один как перст, – она печально вздохнула. – А племянник вырос давно и кочует по дальним странам. Я его ни разу не видела.

– Что ж, на сегодня достаточно. Хочу отдохнуть, – пожелала Луиза.

«Что за странная причуда – необитаемое крыло в замке. Позже надо будет выведать у Марты. Может, там ее спасение?». Девушка поспешила укрыться в спальне, чтобы хорошенько все обдумать.

Стоя у решетчатого окна, Луиза наблюдала, как оранжево-красный солнечный диск медленно исчезает за горизонтом.

«Ускользящий, утомленный, потухающий... Как мои надежды, – подумалось ей. – Красиво и грустно».

Она вспомнила Филиппа. Два дня назад он был жив и полон надежд, теперь его нет. Что ждет ее, вдовую девственницу? Родственники мужа вряд ли возьмут к себе: она девка, опозорившая честь супруга, отдавшись другому мужчине. Вернуться к злобной тетке, десять лет тиранившей ее попреками и издевательствами, а потом отправившей в монастырь? Ни за что! Стать подстилкой барона? Лучше уж в петлю! Жизнь кончена, не успев начаться. Этот крест придется нести одной, пока господь бог не заберет к себе. По всему выходит, ей прямая дорога вернуться в аббатство и стать Христовой невестой.

Ее слёзные размышления прервали шаги за спиной.

– Что вам надо? Вы вломились в мою спальню без разрешения. Убирайтесь!

В первую минуту барон растерялся. Он никак не ожидал увидеть разъяренную мегеру. Напротив, вопреки вспыльчивому характеру, готовился успокаивать хрупкое создание, быть нежным и терпеливым.

– Какая неслыханная наглость, меня намереваются выгнать из собственной спальни, – усмехнулся он, надвигаясь на девушку. – Но мне нравится – это лучше, чем слезы.

– Не приближайтесь! Я закричу!

– Ты уже кричишь, что, впрочем, меня не остановит. – Его рука обвилась вокруг тонкой талии. – Я сражен твоей редкостной красотой и предлагаю тебе удовольствие и наслаждение, – Вольф потянулся к ней губами.

Она отпрянула от него и, отгораживаясь, выставила вперед ладони.

– Не отказывайся от своего счастья. У тебя будет все самое лучшее.

Луиза ответила холодным взглядом:

– Мне ничего от вас не нужно.

– Мне нужно! – Почти задыхаясь от предвкушения сладостной ночи, воскликнул Вольф. – С того момента, как ты опалила меня колдовским взглядом, я мечтаю лишь об одном – вонзить свое копьё в твоё девственное лоно. Признайся же, ты тоже хочешь меня.

– Прочь, подлый убийца! Ты уже пронзил мечом безвинного человека.

– Довольно! – оглушил её гневный окрик. – Видит бог, я не хотел причинить излишнюю боль, но не собираюсь выслушивать твои вопли и не стану дожидаться согласия. – Он вплотную подошел к Луизе.

– Даже не думайте! Вы не посмеете! – она отвернулась, изо всех сил стараясь не показать охватившего её страха.

– Еще как посмею! Сейчас убедишься.

Барон приподнял её подбородок и, теряя выдержку, впился в её губы. Луиза от омерзения отшатнулась и резко оттолкнула ненавистного мужчину. Барона это не смутило.

– Ну, иди же поиграй со мной, – бормотал он от нетерпеливого вожделения, ощупывая тело самым бесстыдным образом.

О, какая это была пытка! В его желании ей чудилось что-то постыдное. Луиза запаниковала и, развернувшись, ударила его по лицу и тут же отлетела в сторону от встречной хлесткой пощечины. Оглушенная падением, она на какое-то время как будто ослепла и не успела увернуться. Разъяренный барон поднял её, бросил на кровать и словно хищник накинулся на неё.

Девушка сделала попытку закричать, но из горла вырвался лишь жалкий хрип, сопровождаемый треском рвущегося лифа платья, обнажившего идеальной формы грудь. Вольф обхватил её руками, приподнял и припал в неистовом поцелуе.

– Нет! Не прикасайтесь! – стала яростно отбиваться Луиза. – Я пожалею королю!

Её сопротивление лишь подогрело желание мужчины. Навалившись сверху, он стал лихорадочно задира́ть подол платья. К возмущению и гневу Луизы добавилось унижение, чудом извернувшись, она резко ударила своего истязателя в ухо. Он взвыл от боли, откатился в сторону и затих. Целую минуту барон, пытаясь справиться со звоном в ушах, лежал без движения. Наконец он сел и, пытаясь прийти в себя, несколько раз потрянул головой, затем встал и, намереваясь немедленно покончить с непокорной строптивницей, дрожащими от безудержной ярости пальцами потянулся к её горлу. Но его остановило затравленное выражение глаз, в глубине которых бился непримиримый огонь, готовый полыхнуть в следующую секунду. Вольф отшатнулся:

– Глупая тварь, тебе это даром не пройдет! – прорычал он и выскочил, сильно хлопнув дверью.

Полночи Луиза ожидала, что барон вернется, чтобы завершить своё подлое дело. Ей хотелось щелоком смыть с тела следы грязных прикосновений, но она побоялась встать. Бессонные часы тянулись мучительно долго, но ничто не нарушало ночной тишины. Замок спал.

Она почувствовала себя вконец измученной и разбитой. Как долго она сможет сопротивляться грубым притязаниям своего тюремщика? Где искать защиты? Нужно хорошенько выспаться, ей потребуются силы.

Барон, взбешенный неудачей, стремительно пересек коридор, ворвался в свою спальню и налил себе щедрую порцию шнапса.

– Что позволяет себе эта дрянь? К ней невозможно подступиться! В своём упрямстве она зашла слишком далеко и будет наказана.

В два глотка опустошив бокал, он бросился к двери, но что-то его заставило остановиться. Блуждающий взгляд упал на догорающую свечу, и перед глазами возник образ молодой красавицы с пылающим взором. Ему представилось, что тело девушки, полное чувственной грации, томится от потаенной страсти, обещает райское наслаждение, молит о нежной ласке. Барон, не умея объяснить, что с ним творится, пошатнулся и готов был рухнуть на колени – всепоглощающая жажда обладания приводила в исступление. Он сорвал со стены меч и одним ударом рассек доспехи рыцаря, они с громким стуком упали к его ногам.

– Боже милостивый, сжался надо мной, – бормотал он, – прости рабу твоему греховные мысли, но я готов продать душу дьяволу, лишь бы получить эту женщину. Я не могу обидеть ее, но и не в силах отказаться.

Вольф допил бутылку и, как был в одежде, повалился на топчан. Ему снилась юная дева с янтарными глазами.

Следующие три дня похититель не появлялся в покоях своей пленницы. Ему необходимо время, чтобы прийти в себя. Он запретил беспокоить его и не покидал своей спальни. На полу валялись пустые кувшины, разбросанная одежда. Барон ненавидел себя – не мог поверить, что безродная девка довела его, взрослого мужчину, который мог добиться всего, чего хотел, почти до сумасшествия. Он бесцельно бродил по комнате, подолгу стоял у окна, лежал на кровати, накрыв голову подушкой, придумывая, как подчинить ее: избить, заморить голодом, одарить нарядами и драгоценностями...

Вольф пил, не пьянея, хватался за меч, производил несколько выпадов и задумчиво проводил рукой по острому лезвию. Ничто не помогало – непослушное воображение рисовало ее обнаженное тело. «Я не могу причинить ей боль», – беспомощно качал головой барон.

Одурманенный страстью и гневом, он в сердцах назвал свою пленницу – смешно даже думать об этом – баронессой.

«Почему нет? – Вольф вскочил, ошеломленный пришедшей мыслью. – Она восхитительна! Сам король будет завидовать ему. Молодая, красивая, здоровая, родит ему законного наследника. Решено – она станет следующей баронессой Фон Гартман!».

Воспользовавшись затворничеством барона, Луиза, дожидаясь, когда дом, погрузившись в сон, затихал, выскользала из комнаты и на цыпочках спускалась по лестнице, стараясь не шуметь, не разбудить никого из прислуги. Ей очень хотелось пробраться к наружным стенам, но она боялась попасть в руки стражников. Тщетно искала она потайной уголок, чтобы прятаться там от ненавистного господина: комнаты были либо заперты, либо забиты вещами и мебелью.

Молодая вдова решила соблюдать траур по мужу. В черном платье, которое по ее просьбе принесла Марта, она сидела перед зеркалом. Руки судорожно стиснуты на коленях, глаза затуманились от слез. Она воочию представила, как натягивается и рвется нить, связывающая их судьбы: ей больше никогда не услышать голоса Филиппа, не прильнуть к его груди, не назвать своим. Воспоминания – все, что осталось у нее от любимого. Беззвучные рыдания, разрывая грудь, вырвались наружу; она плакала до тех пор, пока не осталось слез.

На Луизу навалилась дикая усталость – боль потери оставалась слишком острой. Пытаясь успокоить расшатавшиеся нервы, она растерла ладони и обхватила себя за плечи. Мысли путались. Конечно, сейчас ей больно и страшно, не с кем разделить бремя утраты, но скоро и это пройдет, останется только прожить одинокой до скончания дней. Но и вообразить себя любовницей жестокого упыря невозможно.

В душе девушки еще теплилась робкая надежда на спасение. Она должна найти выход из заточения, должна быть хитрой и наблюдательной. Пока же остается лишь одно: выжидать, сидеть здесь и не высовываться, чтобы не нарваться на недовольство стражей ее темницы. Марта предупредила, что им уготовано суровое наказание за слишком мягкое обхождение с узницей.

– Этот презренный вор считает, что я сделаю подкоп, если не приставит ко мне злобного сторожа? – задала себе бессмысленный вопрос пленница, оставив его без ответа.

В ожидании барона в голове Луизы царил полный хаос – смесь тревоги, нерешимости и неутраченного гнева. Она станет готовиться к решительному отпору, даже если ей будет грозить смерть.

Заслышав ненавистные шаги, она выпрямила спину и заставила себя поднять глаза: он очень напорист и гораздо сильнее ее. Остановившись в трех шагах, барон не мог оторвать взгляда – его разгневанная пленница была восхитительна в своей непокорности: вздернутый подбородок, пылающие глаза... Но через мгновение он ужаснулся: платье наглухо закрывает шею, грудь стянута, волосы скручены в тугой пучок – одета как благочестивая вдова. Ему показалось, что еще секунда, и за ней потянется траурная процессия.

– Страсти господни! Почему ты в черном? Кто дал тебе это уродливое платье?

– Я скорблю по мужу. Не в вашей власти запретить мне оплакивать его, – слова давались с трудом, но все-таки Луиза выговорила их.

– Мне следовало догадаться, что ты упряма. Поверь, я очень сожалею.

– Я не нуждаюсь в вашем лживом сочувствии, – прервала его Луиза, даже не подозревая, с какой жадностью он рассматривает ее.

– Я надеялся, ты стала благоразумнее.

Вольф, не желая насилия, готов был умолять неприступную красавицу добровольно принять его. Он, сгорая от безумного желания, сделал шаг и опустил руки на ее плечи. Достаточно было одного прикосновения, чтобы он воспламенился, а ее охватила противная дрожь. Он заставил ее попятиться к кровати, покрывая глаза и щеки частыми поцелуями. Опьяненный растерянной податливостью девушки, упиваясь запахом ее кожи, Вольф удвоил усилия, чтобы добраться до ее женского естества.

– Раскройся для меня, моя баронесса, – бормотал он, не владея собой, – я больше не в силах терпеть.

Треск рвущегося платья ошеломил Луизу не меньше, чем нежные и страстные поцелуи барона. «Не позволяй ему понять, что ты напугана».

Упав на подушки, она изо всех сил завизжала. Вольф от неожиданности вскочил. Их взгляды скрестились. Она разглядела в глубине его глаз что-то, что показалось пугающе неодолимым.

– Нет! Будьте вы прокляты!

В ее голосе было столько безысходной горечи и яростной ненависти, что казалось, на него сию минуту сойдет кара небесная. Мужчина, только что пылающий бешеной страстью, вмиг охладел, испугавшись произнесенного проклятья.

Вольф, пошатываясь, направился к двери, но на полпути остановился, бросив взгляд, который обратил бы в бегство и более решительного человека, чем эта женщина, но она бесстрашно бросила ему в лицо:

– Не поступлюсь собственной гордостью, не желаю унижения и позора. Лучше убейте! Также безжалостно и хладнокровно, как...

Оказавшись за дверью, Вольф пришел в себя. Не находя выхода, крик отчаяния и злости забился у него в груди. Он схватил проходившую мимо служанку, приволок в свои покои и жестоко изнасиловал, а когда обессилел, вышвырнул из постели и велел убираться. Истерзанная девушка молча уползла.

Среди ночи Вольф осторожно прокрался в спальню своей узницы. Она не погасила свечей – отблеск пламени, словно целуя, трепетал на ее ресницах. Вместо того, чтобы грубо овладеть ею, барон замер, наслаждаясь прелестью этой тихой минуты: она лежала такая хрупкая, нежная, спокойная и прекрасная, пьянящая без вина. Он представил, как медленно пьет ее любовь, наслаждаясь вкусом ее тела.

«Скоро, скоро все, что захочешь, будет твоим. Ты не рождена жить в деревенской пыли, из тебя получится блистательная баронесса. Никогда не отпущу тебя, отныне для всех ты – хозяйка замка. Такова моя воля. – Это решение успокоило, подействовало на него как дождь на иссушенную землю. – Я сделаю тебя своей баронессой!».

Наутро Вольф отправился к королю испросить разрешения жениться.

Глава 3

«Сколько еще испытаний предстоит выдержать?». – Луиза ясно осознала, что обманывала себя мыслями о том, что барон отвернется от нее и выбросит за стены замка. Напротив, он приказал почитать ее как баронессу. Все его обитатели были услужливы, предупредительны, и это ужасало девушку.

Она никогда не была глупой и трусливой, умела читать и писать, знала, как вести домашнее хозяйство, лечить больных. Этому она научилась, живя в монастыре Святой Урсулы. Аббатиса Бенедикта приняла дочь пропавшего на войне рыцаря и сама стала наставлять юную послушницу, обнаружив в ней несвойственную другим сестрам любознательность, пылкий ум, изящные манеры. В душе аббатиса знала, что девочка с ее чувствительной и пылкой натурой не создана для монастырской жизни, верила, что ее ожидает нечто необыкновенное.

«Она вернется в деревню, где ее знают и любят, найдется ей там место, не пропадет, – уговаривала себя Луиза. – Но о будущем, находясь в заточении, не стоит и помышлять. Поэтому сейчас, когда, наконец, барон оставил ее в покое, надо придумать, как выбраться из этого проклятого места». Но ничего не приходило на ум, не было никого, кто мог бы помочь.

Луиза одернула безупречно сидящее платье, поправила волосы и, бросив последний взгляд в зеркало, выскользнула в коридор. Ей нужно обследовать необитаемое крыло дома.

Вышколенные слуги двигались с ловкостью и проворством, без лишней суеты, очевидно, каждый хорошо знал свои обязанности.

Никем не замеченная, она добралась до массивной двери, которая, к удивлению девушки, легко открылась. Медленно продвигаясь по длинному коридору, Луиза, свернув под аркой направо, оказалась в большом зале с двумя каминами. Здесь было много резных столиков с серебряными и оловянными канделябрами, стульев с выгнутыми спинками, узких кушеток. Комната не отличалась кричащим богатством, как в крыле барона, но выглядела уютной. Хотелось посидеть в благодатной тишине.

Луиза опустилась на небольшой диван, обитый плотной парчой, откинулась на спинку и прикрыла глаза. Впервые за последние дни она почувствовала себя в безопасности. Внезапно в отдалении послышался какой-то звук, Луиза подняла голову и прислушалась: не почудилось ли ей. Приближающийся шорох среди безмолвной тишины показался устрашающе громким, будто кошки сердито точат когти о камень, а вслед за ним появилась седовласая старушка.

– Ханна, – визгливо закричала она, – иди сюда! У нас супрыз! Тьфу, какое глупое слово!

Луиза вскочила и не проронила ни звука, лихорадочно подыскивая правдоподобное объяснение своему вторжению. Старушка тоже молчала, с любопытством вглядываясь в незваную гостью, а когда девушка попыталась приблизиться, остановила ее жестом.

– Ханна, шевелись! – вновь закричала она, словно находилась в комнате одна, самым бестактным образом игнорируя Луизу. – Не терпится увидеть, как вытянется твоя физиономия.

– Зельма, ты что, крысу увидела, или может привидение? Кричишь, будто жабу проглотила или тебя лошадь лягнула. – Наконец появилась та, которую называли Ханна, и остановилась в полном замешательстве.

– Смотри! Ты такой красоты отродясь не видела!

– Как вы сюда попали?

Луиза сделала почтительный реверанс:

– Меня зовут Луиза, я недавно в замке и, кажется, заблудилась.

– Зачем лукавить? Марта вам все объяснила.

– Простите, – стараясь овладеть собой, пролепетала Луиза, явно смутившись произнесенной ложью. – Мне очень жаль...

– Мы давно перестали удивляться лживым речам, – пристально вглядываясь в лицо девушки, спокойно, без всяких эмоций, произнесла Ханна. – На той половине это вполне обычно.

– Следующая баронесса уже переняла не лучшие привычки его обитателей, – фыркнула Зельма.

Луиза заставила себя воздержаться от пылкого протеста, но все же вежливо возразила:

– Как вы можете утверждать это?

– Слугам не позволительно утверждать.

Луиза поразилась надменному тону простой кормилицы, она уже хотела возмутиться, но тут вмешалась Зельма:

– У дурных вестей длинные ноги. Люди уже готовы лизать вам пятки, чтобы угодить его баронству.

«Будь осторожней, девушка, не прекословь, если хочешь чего-то добиться!», – одернула себя Луиза и спокойно произнесла:

– Мне нечего возразить. Не стану с вами спорить, но я не собираюсь становиться баронессой. Я в трауре по мужу.

– Прискорбно... – участливо вздохнула служанка.

– Насколько я понимаю, вы надеетесь сбежать, ибо барон вознамерился вести вас под венец, – уверенно заявила кормилица, как будто вслух прочитала мысли девушки.

– Кто ж откажется от такой красоты? Уж точно не наш сластолюбец.

– Зельма, не распускай язык.

– Я надеюсь, барон сжалится над бедной вдовой и отвезет меня домой, в деревню, – потупив глаза, ответила Луиза. Она побоялась открыться прислуге, которую впервые видела.

– Скорее кукушка станет свои яйца высиживать, чем барона посетит жалость к женщине, – пробубнила Зельма.

– Зачем сюда пожаловали? Люди барона здесь не появляются, – перевела разговор Ханна, опасаясь едких замечаний подруги.

– Я не знаю. Какая-то сила привела. Я не стала сопротивляться, – честно призналась девушка.

– Вы не должны оставаться здесь. Наверное, вас уже ищут.

– Вы правы, мне лучше уйти. Простите, что потревожила ваше уединение, – с нескрываемой печалью промолвила Луиза.

– Должны понимать, что это в ваших же интересах. Не стоит гневить хозяина, – открывая дверь, сухо завершила Ханна.

– Благодарю вас, – еле сдерживая подступившее рыдание, выдавила девушка и помчалась в спальню баронессы.

Уткнувшись лицом в подушку, не вытирая льющиеся слезы, Луиза окончательно осознала, что совершенно одинока здесь, нет никого, кто проявил бы участие, повсюду одни лишь настороженные взгляды и нежелание говорить.

Чем больше она об этом думала, тем невыносимее становилось на душе. Как смириться с обстоятельствами? Барон – раб своего вождения, и пока ему не надоест, ничто, кроме смерти, не положит конец его преследованию. Что лучше: подчиниться или удрать? Если она выкинет какую-нибудь дерзость, может жестоко об этом пожалеть, никто и ничто не помешает барону выполнить свою угрозу. Но и роль безропотной овечки, грозящая ее погубить, не прельщала вольнолюбивую натуру. Что же теперь делать? Никто не поможет, если она будет только страдать, и сама ничего не предпримет. Какой смысл терзаться попусту? Остается одно – стараться выжить. Смирившись с неизбежным, но веря, что господь смилостивится над ней и подскажет выход, Луиза дернула сонетку.

– Я хочу погулять по саду. Проводи меня.

– Слушаюсь, госпожа! Хозяин наказали во всем угождать вам, – с преувеличенной вежливостью присела Марта. – День сегодня обещает быть чудесным, но пока еще свежо, наденьте накидку.

– Скажи, Марта, строгий у вас хозяин?

Служанка вспыхнула, прикусила губу и потом нехотя вымолвила:

– Он настоящий барон.

Они вышли во внутренний двор, мощеный булыжником. Повсюду сновали люди. Одни приветливо с ней здоровались, некоторые просто кивали, другие почтительно снимали шапки. Вся округа уже гудела сплетнями и слухами о необыкновенной красавице, поселившейся в замке.

Добравшись до сада, Луиза радостно осмотрелась. Выдержанный в традиционном стиле, он был засажен живой изгородью из хвойных деревьев и вечнозеленых кустарников, на фоне которой выделялись дорожки, лужайки, лабиринты.

«Какое облегчение вдохнуть полной грудью», – подумала Луиза.

– Красиво здесь, только цветов нигде не видно.

– Хозяин не любит. Строгость и порядок предпочитает.

Пропустив замечание служанки, Луиза направилась в уголок, где у сухого ручья, замысловато выложенного из камней, собранных по берегам Рейна, пристроились два ее знакомя.

– Хочу с гномиками поздороваться. У нас в деревне их расставляют, чтобы заманить добрых эльфов.

– Я не встречала здесь эльфов. Они, наверное, только счастливым показываются...

– Можешь идти, Марта.

– Что вы, госпожа, меня выгонят из замка, если я хоть на минуту вас оставлю.

– Я хочу побыть одна.

– Простите, никак нельзя. Я не могу этого сделать. Пощадите, – с мольбой в голосе просила служанка. – Я в сторонке побуду.

Луиза ничего не ответила и присела у ручья. Глядя на старческие лица каменных стражей, она вдруг взмолилась: «Милые гномы, раскройте секрет, где здесь потайной ход, помогите вырваться из клетки. Я хочу на волю! Не желаю становиться баронессой. Пусть меня эльфы унесут далеко-далеко».

Гномы молчали.

Марта, сочувственно глядя на опечаленное лицо будущей хозяйки замка, тоже молчала, внутренне страшаясь ее вопросов. Что она могла ответить? Отсюда выхода для избранницы барона нет.

Луиза не стала любоваться пышно зеленеющими кустарниками и неживыми ручьями. Она потеряла всякий интерес к саду, когда поняла, что через него выбраться из замка невозможно, и поспешила в свои покои.

Там вместе с Мартой они занялись шитьем. Служанка принесла целый ворох нарядов: строгие шерстяные платья, атласные с разрезами на рукавах, несколько льняных сорочек, шелковые вуали различных цветов. Девушки переделывали платья, подгоняли по фигуре, чтобы Луизе было, что надеть.

За неспешной работой Марта по обыкновению рассказывала о жителях замка, давая им довольно красочные и меткие характеристики, забавные истории из жизни слуг, коротко поведала о ближайших соседях, но избегала разговоров о хозяине. Единственное, что выпытала Луиза за несколько вечеров, что он строгий, властный, любит лошадей, оружие и шумные пирушки, подолгу бывает в королевском дворце, участвует в военных походах.

Сквозь открытое окно в комнату проник шум двора: откуда-то издалека раздавались женские вопли. Луиза, высунувшись по пояс, громко осведомилась у с топотом пробежавших мимо подростков:

– Что происходит?

Не дождавшись ответа, она поспешила на улицу, за ней выскочила и Марта.

На заднем дворе со стороны полупустой половины дома, где обитала Ханна, столпились женщины с задранными вверх головами. Неподалеку две девчушки, всхлипывая, грязными кулачками утирали слезы.

– Что стряслось? – кинулась к ним Марта. – Почему вы здесь? Здесь детям не положено играть. Где ваша матушка?

В эту секунду Луиза увидела на крыше маленького мальчишку, который, неуклюже перебирая ножками, шел к чердачному окну флигеля. Но вот он оступился, потерял равновесие, не устоял и, упав на спину, стал скользить по скату перекрытия, неумолимо приближаясь к самому краю. Выпучив глаза и завизжав от страха, малыш перевернулся и вцепился в кусок черепичной плитки. Толпа ахнула, но не торопилась оказать помощь.

От безудержно нарастающего страха у Луизы закружилась голова, кровь прихлынула к щекам, но ей хватило минуты, чтобы оценить ситуацию и стряхнуть с себя оцепенение. Она огляделась в поисках лестницы, но, не обнаружив ее, сорвала с себя накидку и закричала:

– Натягивайте! Скорее!

Женщины порасторопнее вцепились в края широкой накидки, быстро натянули ее и принялись кричать:

– Падай!

– Разожми ручки!

– Ну же! Давай!

– Вот мать тебе задаст!

– Замолчите! Он боится! – остановила их крики Луиза. – Как его зовут?

– Сорванец.

– Сорванец, – едва сдерживая волнение, ласково обратилась она к ребенку, – ты забрался очень высоко и стал похож на птицу. Расправь крылья и покажи, как ты умеешь летать!

Малыш с позеленевшим от ужаса лицом не шевельнулся. Пальцы свело судорогой и не разжимались.

– Давай! Смелее! Лети! Птицы всегда садятся на землю, – подбадривала Луиза малыша, не спуская с него глаз.

– Лети, лети! – подхватили девочки, прекратив плакать.

Наконец ребенок, услышав родные голоса, оторвал пальчики от черепицы и плюхнулся на растянутый внизу шерстяной квадрат. Луиза подхватила его на руки, на минуту прижала к груди, потом бережно опустила на землю, присела рядом и осторожно стала ощупывать его тело.

– Не вырывайся! Очень хорошо, что ты к нам вернулся.

– Я правда летел, как большая птица? – чуть картавя, спросил Сорванец, сверкая лучистыми от восторга глазами.

– Правда. Но должна сказать, умные птицы не бегают по крыше, только глупые вороны. Ты ведь не глупый малыш?

– Не глупый, – согласился ребенок. – Только мама говорит, бедовый.

– А теперь и чумазый. – Луиза достала платок и стала оттирать слезы на лукавом личике.

– Что тут творится? – подбежала женщина в холщовом платье с закатанными рукавами и мокрым фартуком. – Ты опять набедакурил, Сорванец?

– Тише, все уже закончилось.

– Что закончилось? – растерянно оглядела она толпу.

– Прогулка малыша по крыше.

– Мама, я слетел оттуда, как птица, – сияя от гордости, радостно заявил Сорванец. – А эта Прекрасная Фея меня словила.

Женщина побледнела, схватила сына и, ничего не замечая вокруг, стиснув, прижала к себе.

– Пусти, ты мне крылья поломаешь, – пискнул малыш, выскользая из объятий матери.

– Не знаю, как и благодарить вас, госпожа. – Женщина молитвенно сложила руки на груди. – Так трудно справиться с озорным мальчишкой. Когда много работы, не всегда успеваю уследить за ним, – она вытерла холодный пот со лба, но, опомнившись, затараторила: – Не думайте, он добрый, послушный. Всегда обещает вести себя хорошо, но тут же забывает и снова попадает в какую-нибудь историю.

– Ты слишком добра и терпелива, Эльза. Так нельзя с мальчишками!

Со всех сторон послышались увещевания женщин:

– Задай ему хорошую трепку!

– Выпороть, чтобы и сесть не мог!

– Еще чуток, и ты с ним не справишься!

– Известное дело, без отцовского догляда растет.

– В этот раз тебе, женщина, повезло, что баронесса так умно распорядилась.

Эльза виновато потупила голову, не отвечая на недовольные попреки. Луиза, сочувственно глядя на женщину с изможденным лицом, мягко проговорила:

– Большой глупости, чем забраться на черепичный скат, и не придумаешь. Но Сорванец смелый мальчик и держался очень отважно.

– Простите нас, госпожа. Всегда к вашим услугам. – Повернувшись к детям, Эльза приказала:

– Немедленно отправляйтесь домой! Мое терпение на исходе, Сорванец! Я вечером с вами поговорю.

Угроза возымела желаемое действие. Малыш сунул руки сестрицам и послушно отправился домой, но через несколько шагов вернулся и, с обожанием глядя на свою спасительницу, важно заявил:

– Я буду вашим рыцарем, госпожа Прекрасная Фея.

Луиза нежно потрепала его по волосам и торжественно произнесла:

– Я принимаю вашу клятву, мой рыцарь. Но приказываю больше не летать, пока не станете старше, – с этими словами она поспешно удалилась, боясь оказаться в центре внимания несдержанных на язык женщин.

Марта не отставала, на ходу поведав о матери ребенка:

– Эльза – прачка. Ей приходится не сладко: и работа тяжелая, и муж калека.

Мартин был рыцарем барона, однажды прикрыл спину хозяина в бою, но из-за него прошлой осенью погиб конь господина, а позже и его самого подрал медведь. Эльза выходила мужа, но с тех пор он прикован к постели. Барон не выгнал отважного рыцаря из замка, но примерно наказал – заставил жену работать прачкой. Она одна смотрит за тремя детьми. – Марта сочувственно вздохнула. – Но слишком добрая, не потрудилась вовремя розгами вбить в мальчонку послушание, вот и не может уследить за непоседой.

– Он же маленький еще.

– Порядок – прежде всего! Барон не терпит разгильдяйства и нарушения правил. Хорошо, что его нет в замке, неизвестно, чем бы закончилась глупая детская проделка. Но, думаю, ему донесут, – твердо сжатые губы говорили о едва скрытой досаде служанки. – Жалко Эльзу.

– Ты чем-то напугана?

– Вовсе нет! – запоздало опомнилась Марта. – Тысяча извинений, госпожа, я сегодня излишне болтлива. Заклинаю простить меня.

– Не волнуйся ты так, я не собираюсь тебя отчитывать. Завтра отведишь меня к Эльзе, хочу навестить Сорванца.

– Вы очень добры и великодушны, но ...

Луиза поняла, что Марта боится барона, и не стала допытываться, почему, хотя на языке вертелось множество вопросов.

У нее уже сложилось определенное мнение о нравах и законах, царящих в замке. Невозможно было не заметить нервного возбуждения и шепотков при появлении его милости. Барон, по всей видимости, правит жесткой рукой, презирует всех, кто ниже его положением, уверен, что ему все дозволено, и любой проступок наказывает, вселяя в окружающих страх. В душе Луизы шевельнулось подозрение: даже сделав ее баронессой, он не остановится, пока не подчинит ее, не сломает, не превратит в бессловесную куклу.

«Стоит заранее понять, что еще скрывается под личиной знатного дворянина? Хотя, чем это ей поможет?».

– Хотелось бы знать, где сейчас барон, я попрошу его не наказывать Эльзу и ее малыша.

– Я...я не совсем понимаю, – пробормотала Марта, чувствуя, как отчаянно забилося сердце, – вы хотите заступиться за прачку и заслужить гнев хозяина? Горе тому, кто имеет несчастье нарушить его приказы.

– Считаешь, у меня есть поводы для беспокойства?

– Конечно, нет! – вспыхнула Марта, поняв, что сболтнула лишнее.

– Тогда и не станем об этом говорить, – примирительно улыбнулась Луиза, – я не дам ребенка в обиду.

Она по-иному решила добиться от служанки, чьи слова и манеры были слишком уклончивы, правды о бароне, проявив сдержанность в речах и равнодушие к ее действиям. Словоохотливая Марта, добрая по натуре, долго не выдержит холодности своей госпожи и станет более откровенной.

Служанка промычала что-то сочувственное, но возражать не осмелилась:

– Это не моего ума дело, лучше я немного поухаживаю за вами.

Луиза согласно кивнула в надежде обрести уверенность, которой так не хватает, чтобы более спокойно присмотреться к жителям замка.

Марта принялась колдовать над копной волос своей госпожи. Очень скоро она искусно собрала их вверх, выпустив несколько прядей локонов, которые изящно обрамляли нежную шею девушки. Новая прическа придала Луизе вид изысканного благородства.

– Ну что ж, по крайней мере, я хорошо выгляжу, – коротко заметила девушка и не стала более рассыпаться в благодарности. – После обеда выйдем на прогулку.

– Счастлива услужить, госпожа. Куда изволите пойти? – окончательно успокоилась служанка.

– Веди туда, где я еще не была.

Взору Луизы предстало невиданное зрелище – большая ухоженная клумба, благоухающая розами нежных оттенков. Чудесный ароматный шлейф цветов, напоминающий луговой мед с нотками мускуса, разливался, обволакивая и навеяв ощущение гармонии.

– Они великолепны! – восторженно ахнула девушка.

– Это «Розовый рай». Так называют этот сад.

– Кто сотворил такое чудо?

– Ханна здесь хозяйка.

– Кормилица?

– А вы почему знаете?

– Не все же такие скрытные, как ты.

Марта хотела возразить, но прикусила язычок. Неизвестно, на что способна госпожа-пленница, вдруг пожалуется барону.

Луиза медленно шла по ухоженным тропкам, очарованная искусно оформленными клумбами и шпалерами, любовалась удобными скамеечками, чугунными подставками для факелов.

– Я могла бы приходить сюда каждый день, все радует глаз, – не удержавшись, воскликнула она.

– Будущая баронесса вольна свободно появляться везде, где ей заблагорассудится, – раздался голос, и из-за поворота у небольшой ротонды возникла Ханна с запачканными землей руками.

Сияющая на лице девушки улыбка мгновенно увяла, и она порывисто воскликнула:

– Мне не нравится, когда меня так называют.

Марта ахнула и отошла в сторонку, чтобы случайно не услышать непотребных речей из уст своей госпожи.

– Чушь! Боюсь, что уже поздно это обсуждать. Вы не хуже меня знаете, что это неизбежно.

Столь откровенно категоричное утверждение потрясло Луизу. Но под укоризненным взглядом она недрогнувшим голосом возразила:

– Об этом не может быть и речи!

Ханна взирала на девушку с величайшим подозрением: олицетворение сельской простоты и невинности, если не обращать внимания на удивительные глаза, в которых, как подтверждение горячего нрава, пылал мятежный огонь, выдающий далеко непростой характер и внутреннюю силу. Ведет себя совсем не так, как подобает баронессе: не спесива, мила в обращении, добра. Сорванца спасла... Неплохо бы осторожно выяснить, что у нее на уме.

– Что сделано, то сделано, нет смысла роптать и упрямиться. Барон вернется с разрешением от короля и уложит вас на брачное ложе.

– Марта, подожди у калитки. – Луиза не хотела, чтобы та услышала ее просьбу.

– Как пожелает ваша милость, – неодобрительно проворчала служанка и нехотя, очень медленно зашагала по тропинке.

– Прошу извинить меня, не хотелось бы затруднять вас, но я должна поговорить с вами, – с мольбой обратилась Луиза к кормилице. – Другая возможность вряд ли представится, ваша половина недоступна для посторонних. Ради всего святого, мне не к кому обратиться.

– Что вы хотите знать? Похоже, вы чем-то расстроены, но вряд ли в моих силах успокоить вас.

– Помогите сбежать отсюда. Я не хочу становиться баронессой. Мне страшно, – прошептала Луиза и смолкла под стальным взглядом.

– Я не уверена, что это удачная мысль, – прищурилась Ханна. – Скажите об этом барону.

– Вы не должны так недоверчиво смотреть на меня. Мои мучения искренни и невыносимы. Это не притворство.

– Я отлично вижу, что вы не глупы. Так почему отказываетесь признать очевидное? Отсюда не сбежать. Даже если каким-то чудом вы покинете замок, вас быстро изловят, приволокут обратно, хозяин придет в бешенство, – спокойно изрекла женщина и через секунду добавила: – Я и гроша не дам за вашу участь.

Луиза безвольно опустила руки и с усилием произнесла:

– Вам нравится считать меня жалким созданием?

Горечь разочарования и глубокая безнадежность в голосе и во всем облике девушки вызвали у Ханны невольное сочувствие, она поняла, насколько пленная пассия барона несчастна, чувствительна и уязвима.

– Мой вам совет – не воображайте себе всякие глупости.

– Я надеялась на сострадание... но сожалею о неразумном порыве.

– Можете приходить сюда, когда захотите, – предложила Ханна и повернулась, чтобы уйти. – Барон здесь не бывает, – и одними губами прибавила: – Храни тебя бог, девочка! – и приказала себе ни о чем не жалеть.

Мысли об узнице невольно навели на воспоминания о своенравном, но горячо любимом воспитаннике. Она не видела его вот уже десять лет, но все это время поддерживала порядок на принадлежащей ему половине замка, надеясь и веря, что он вернется истинным наследником и полноправным хозяином.

Барон Вольф передал ей пятимесячного ребенка после страшной гибели его родителей. Взяв его на руки, она отогнула уголок одеяльца и взглянула на серьезное личико притихшего малыша. Серые, словно грозовые облака, глаза смотрели на нее, не мигая.

Женщина назвала его по имени, ребенок радостно улыбнулся, залепетал и навсегда покорил ее сердце.

– Заговорила! Вот и хорошо. Будешь его кормилицей, – выдавил барон и скрылся за дверью.

Ханна не призналась, что у нее нет молока.

Ее муж служил у барона писарем. Ханна, родом из обедневшей помещичьей семьи, и сама знала грамоту и частенько помогала ему разбираться с бумагами, особенно когда он отлучался по хозяйству. Вот и в тот раз она удобно уселась за конторку, когда муж взял с собой их семилетнего сынишку и отправился вспахать небольшой клочок земли у опушки леса. Потрудившись на славу, отец с сыном присели, чтобы перекусить перед возвращением домой. Не успели они удобно расположиться на траве, как из леса выскочило стадо бешеных кабанов и пронеслось, сметая все на своем пути. Только к вечеру Ханна набрела на два растерзанных тела. Через неделю в страшных муках она родила мертвую девочку. Ее горе было столь велико, что она онемела и за целый год не проронила ни слова.

Ханна самозабвенно ухаживала за маленьким баронетом. Не отходила от его колыбельки, когда он болел, на ночь рассказывала сказки про эльфов и гномов, легенды о великих воинах, затевала разные игры, а когда он подрос, разрешала играть с деревенскими детьми. Мальчик рос добрым, смелым и жизнерадостным. Особенно крепко он сдружился с малышом Ральфом – сыном одного из рыцарей барона. К тринадцати годам Карл прекрасно ездил верхом, умело владел мечом и выходил победителем в драках.

В день пятнадцатилетия дядя призвал его к себе и объявил, что назначает Карла, своего единственного родного племянника, наследником и закрепляет за ним третью часть замка, а пока отправляет учиться в Сорбонну. Ханна мужественно перенесла это известие и пообещала не умереть, пока он не вернется. И каждый день ждала.

Раз в полгода, иногда чаще, Ханна получала весточку от своего любимца. Все письма хранила перевязанными лентой в ларце и постоянно их перечитывала.

Всегда аккуратно одетая, энергичная, любящая и заботливая, Ханна посвятила жизнь служению интересам наследника, другого для себя не мыслила. Все обращались с подчеркнутой вежливостью к кормилице будущего барона. В помощь и услужение к ней приставили Зельму. Служанка оказалась родственницей первой жены барона Вольфа. Женщину привезли из дальнего приграничного поместья. Никто не горел желанием с ней общаться и не стремился сблизиться. Она была весьма чудаковатой, не в меру прямолинейной, часто говорила все, что ей заблагорассудится, но служила Ханне с беззаветной преданностью. Очень скоро, несмотря на различие в возрасте, Зельма была на шесть лет старше Ханны, женщины стали неразлучны. Обе вдовы, обе бездетные, обе одинокие.

Глава 4

Отсутствие барона–тюремщика принесло Луизе некоторое облегчение: она перестала вздрагивать от шорохов и громких криков за дверью, полночи метаться в постели в ожидании своего мучителя. Девушка без страха разговаривала с людьми, быстро привыкла к вежливому почтению, но, не питая иллюзий относительно своего положения, была скромна и непритязательна, довольствовалась лишь прогулками по замку.

Дни тянулись долго и однообразно, если не считать то время, когда она возилась с Сорванцом, придумывая забавные игры, и помогала прачке ухаживать за мужем.

В замке все относились к красавице как к новой баронессе, кроме стражи. Попытки Луизы выбраться на свободу ни к чему не приводили. Стражники награждали ее уничтожающими взглядами и гнали прочь от ворот. Она давала волю своему гневу, но в ответ получала лишь насмешки, недружелюбные выкрики и жесты.

Однажды ее потребовали к кастеляну Шольцу – управляющему замком и делами барона. Ее это несказанно удивило.

Луиза вошла в кабинет в тайной надежде на освобождение. Навстречу ей поднялся довольно крупный мужчина. На нем были дорогой кожаный жилет и туника английского сукна, массивную шею украшал золотой обруч с нефритовыми вставками. Его внешность можно было бы назвать вполне приятной, если не считать хищного прищура и высокомерно поджатых губ. Он приблизился и, коротко поклонившись, вызывающе небрежно обошел ее вокруг, не проронив ни слова.

– Чем вызван столь неучтивый прием? – презрительно произнесла Луиза, всем видом демонстрируя, что оскорблена явной непочтительностью служащего.

У управляющего вытянулось лицо, и недобро сверкнули глаза:

– Баронесса! – с трудом выдавил из себя Шольц ложный титул, не осмеливаясь нарушить распоряжения хозяина обращаться к пленнице именно так. – У меня четкие предписания относительно вашего пребывания в замке.

– Они мне также известны. Что изменилось, что вы осмелились потревожить меня неподобающим образом? – продолжая играть свою роль, ответила Луиза.

– Вами недовольна охрана замка, – воздержался от готовых сорваться с языка грубых упреков кастелян.

– Какая ирония! Я ими тоже недовольна.

– Предупреждаю, еще одна попытка сбежать, и они подстрелят вас как кролика, – пригрозил Шольц, не привыкший к откровенному отпору со стороны женщины.

– И горько пожалеют о своей ошибке, когда окажутся на вертеле вместо того кролика, – ехидно парировала она.

Какое-то время они, не скрывая негодования, рассматривали друг друга. Постепенно молчание сделалось невыносимым. Первым перед волей янтарных глаз сдался кастелян:

– Ваша красота ослепила барона, помешав разглядеть, какой на самом деле вы являетесь безумной и неблагодарной.

– Вот как! Никогда еще меня не выставляли в столь нелестном свете.

– О, такой как вы, нетрудно вскружить голову мужчине. Не успела глазом моргнуть – и он у твоих ног, – прошипел Шольц, взбешенный явным безразличием баронессы к его высокому положению.

– Не могу с вами согласиться. Это всего лишь досужие домыслы, – холодно возразила девушка. – Будет лучше, если впредь они окажутся невысказанными.

– Вы мне угрожаете? Даже не потрудились притвориться, что внемлете моему предупреждению!

– Совершенно верно, – кивнула она и расплылась в улыбке.

– Сроду ни одной женщины не боялся! – вскипел Шольц. – Ваши угрозы подобны комариному пisku.

– Сегодня явно не ваш день, – продолжала играть словами Луиза, забавляясь беспомощным гневом управляющего. – Однако комары изрядно отравляют жизнь.

– Весь замок гудит, словно рой диких пчел. Доблестные воины потеряли покой, молва о странной женщине в доме барона докатилась до соседей, – повысил голос Шольц, проигнорировав замечание.

– Полагаю, я должна чувствовать себя польщенной, но, увы! – снова язвительно заметила Луиза, хотя уже чувствовала, что не стоит дразнить этого опасного человека.

– Если сами не понимаете, придется вам помочь – я запру вас в башне.

– Сожалею, но это не в вашей власти, герр кастелян. Что-то не припоминаю такого распоряжения барона, однако отчетливо помню, что, уезжая к королю, он приказал относиться ко мне со всем почтением, какое полагается баронессе!

В глазах Шольца промелькнул испуг, он ругнулся сквозь зубы и сделал шаг к Луизе. Она удивленно вскинула брови:

– Как? Вам нечего сказать?

– Не вынуждайте меня потерять терпение. – Руки кастеляна потянулись к ее шее, но он вовремя спохватился и одернул их: – Ведьма!

– А за такую дерзость будете влачить свои бесславные дни в нищете, бродя с чашей для подаяния, чванливый осел! – будто выплевывая слова, с нескрываемым отвращением произнесла Луиза.

– У вас не все ладно с рассудком, баронесса, наш господин всецело доверяет мне, вы жестоко поплатитесь за свои слова.

– Увы, барон сделал свой выбор, – надменно бросила она. – А ваши речи становятся утомительными, пора прекратить никчемный разговор, займитесь лучше своими непосредственными обязанностями. Я намереваюсь проверить расчетные книги, – и, задрав подбородок, выплыла из комнаты, оставив кастеляна скрипеть зубами в бессильной злобе.

Луиза гордо прошествовала мимо съежившейся от страха Марты.

«Какой бес вселился в нее, она чокнулась? Раззадорить любимца барона, которому тот всецело доверяет? Но может это хоть как-то встряхнет ее унылое настроение?», – промелькнуло в голове перепуганной служанки.

– Что за гнусное создание, – недовольно фыркнула Луиза.

– Он очень опасен, госпожа, скор на расправу и беспощаден.

– Вряд ли посмеет навредить баронессе.

«То, что показалось забавной игрой, подстегиваемой желанием отомстить грубияну за непочтительность, может обернуться поистине серьезными неприятностями в ее невероятном положении незамужней баронессы. Она воспротивилась человеку, уверенному в собственном превосходстве, – задумалась Луиза и решила: – Стоит избегать с ним встреч».

Шольц раздраженно рухнул в кресло:

– И что мне делать с этой проклятой гордячкой? Осмелилась унижать меня! Ведьма! – вне себя от злости прорычал он. – Не думайте, баронесса, что так будет вечно. Я заставлю считаться с собой! – Он положил ногу на ногу и тут же утешился мыслью о мести: – Я собираюсь подцепить вас на крючок и представить барону редкостной шлюхой.

Шольц, лелея внутри возникшую ненависть, полный решимости отомстить, стал следить за баронессой, но ничего предосудительного не заметил – расставленные шпионы лишь разводили руками.

Наблюдая за ней, он видел совершенное лицо, замечал волнующее покачивание бедер, прислушивался к чарующему голосу и, сам того не желая, пленился необыкновенной красотой. Постепенно низменные инстинкты взяли верх над разумом. Он уже не мог больше ни о чем думать, только о ее роскошном теле, изгибы которого вводили в искушение овладеть ею, поднять под себя и насладиться дивными женскими прелестями. Одурманенный желанием, он забыл обо всем на свете, даже о свирепом и безжалостном хозяине.

Луиза в платье строгого покроя в сопровождении Марты навещала больного мужа прачки. Покинув ее неказистый домик, приютившийся где-то на отшибе хозяйственных построек, она радостно произнесла:

- Ему сегодня удалось сесть, он встанет, обязательно встанет!
- Просто чудо какое-то, у вас волшебные руки, госпожа. Эльза так и светится от счастья!
- Мартин хороший человек.
- Весь замок возносит хвалу баронессе, вашей красоте и доброте, вашему благоразумию, невиданной щедрости.

– Угомонись, я не нуждаюсь в твоей лести!

В меркнувшем свете дня Луиза заметила фигуру кастеляна и недовольно нахмурилась. Он вышел из-за дерева и двинулся им навстречу.

– Именно его хотелось бы видеть в последнюю очередь, – процедила она сквозь зубы, – но отступить некуда.

– Он что-то недоброе задумал, – испуганно пробормотала Марта, – так и зыркает своими крысиными глазками.

Шольц властным жестом отослал служанку:

– Пошла вон! А вы, баронесса, оставайтесь, у меня для вас новости.

– Как вы смеете? Это моя служанка, вы не можете ей приказывать! – возмутилась Луиза, провожая взглядом кинувшуюся прочь Марту, и про себя подумала: «Нужно помнить, что недооценивать этого упряя нельзя, не следует его дразнить». – Вы хотите показать мне расчетные книги или сообщить, что барон, ваш хозяин, возвращается?

– Вы очень проницательны, госпожа. Думаю, мои «новости» удовлетворят вас, – самодовольно усмехнулся кастелян. – Вы не станете против них возражать.

Воровато оглядевшись кругом и не заметив посторонних глаз, Шольц грубо схватил ее за руку и молча потащил за собой, всем видом показывая, что она в его власти.

– Как ты смеешь, свинья! Немедленно отпусти!

– Заткнись, сучка, не дергайся, иначе поранишься, – и он пригрозил ей острием ножа, заставляя двигаться вперед.

Такая грубая выходка кастеляна привела ее в ужас. Луиза замолчала, лихорадочно соображая, как выпутаться из потных лап негодяя.

Между тем Шольц, свернув за угол, ногой распахнул какую-то дверь, впихнул туда Луизу и приволок в довольно просторную комнату, в самом центре которой стояла внушительных размеров кровать. «Здесь этот осел предается своим гнусным увеселениям», – поняла она.

– Какие новости вы приготовили? – ледяным голосом спросила Луиза, непостижимым образом собрав волю в кулак и по привычке подмечая всякие мелочи: пыль в углах, разводы и пятна на стенах, дорогое парчовое покрывало и кованое изголовье кровати.

– Всему свое время, скоро услышите. И только от вас зависит, какими они будут, плохими или не очень.

– Не понимаю. Барон возвращается? Это ваша новость?

Шольц хрипло рассмеялся:

– При королевском дворе слишком много соблазнов, барон забылся в объятиях услужливых дам и не торопится к вашим прелестям.

– Как правдоподобно и нахально вы лжете, – пытаюсь выиграть время, равнодушно произнесла Луиза, сквозь опущенные ресницы выискивая какой-нибудь предмет для защиты. – Я раскрою ему глаза на поведение наглого кастеляна, поведаю о вашем пристрастии к картам и о том, кто и за кое-какие услуги ссужает вам в долг.

– Бросьте, баронесса. Кто вам поверит? Не припомню, чтобы кому-нибудь удавалось меня перехитрить, и вы не пытайтесь. Барона ждет величайший сюрприз.

– Зачем вы меня сюда привели? – прервала его Луиза, заметив рукоять ножа в его сапоге.

– Предоставлю тебе самой догадаться, зачем ты здесь, – Шольц выразительно посмотрел на кровать.

– У вас чрезмерно раздутое самомнение.

– Пора понять, что я всегда беру верх над несговорчивыми женщинами, сейчас ты это почувствуешь, – самодовольно заявил он.

Выставляя напоказ унизанные кольцами пальцы, Шольц покрутил перед лицом девушки бокал с мятным шнапсом:

– Выпейте, это поможет расслабиться.

Луиза ахнула, пораженная коварным замыслом, когда догадалась, что его намерение не пустое бахвальство, и пригрозила:

– Стойте на месте, иначе мои проклятья навсегда остудят ваш пыл.

– Готов на себе проверить колдовские чары, – плотоядно улыбаясь, мужчина наступал на женщину, словно хищник на загнанную лань.

Луиза, чтобы Шольц не достал ее, отшвырнула ногой стул и сильно толкнула его в живот. От неожиданности он пошатнулся, грубо выругался и, ухватившись за подол ее платья, резко потянул на себя. Стиснув ее запястья, он рывком завел руки женщины за спину и, дрожа от нетерпения, начал искать ее губы, лихорадочно бормоча:

– Какой мужчина в здравом уме откажется от тебя?

– Зато я не хочу тебя, дикарь! – уклоняясь от жестких губ, вырываясь, выкрикнула Луиза.

– Это не важно! Я слишком готов!

– Идиот! Прочь свои грязные руки! – сердито запротестовала она.

Шольц, все более распаляясь от яростного сопротивления баронессы, уверенным жестом распустил ее волосы и подтолкнул к кровати. Пальцы, стараясь удержать извивающуюся женщину, хищными щупальцами сомкнулись на ее плечах:

– Да, да! Мне нужна именно такая – дикая, необузданная.

Он бросил ее на кровать, согнув колено, придавил сверху и стал задираť нижнюю юбку. Внезапно Луиза перестала сопротивляться, заерзала под огромной тушей и, громко застонав, провела дрожащей рукой по его напряженной спине.

– О, – замычал Шольц, – да, покажи, покажи свои колдовские штучки, – и ослабил хватку.

Луиза, изображая пылкую страсть, скользнула по его бедру и стала нетерпеливо дергать облегающие огромную ногу лосины, стараясь нащупать рукоятку спасительного ножа.

– Сейчас, сейчас, – задрожал от нетерпения Шольц, подтянул ноги, чтобы приподняться и скинуть штаны.

– Ах, какое счастье, – воскликнула она, умудрившись выхватить нож.

Девушка вывернулась, взмахнула рукой и полоснула насильника по щеке. Тот взвыл и закрыл лицо, по которому из глубокого пореза потекла кровь.

– Я убью тебя, тварь! – задыхаясь злобой, рычал кастелян, судорожно хватаясь за окровавленную челюсть.

Луиза, ни секунды не мешкая, вскочила на ноги и, держа нож перед собой, уничтожающим голосом отрезала:

– Если не истечешь кровью, ублюдок, выживешь. Шрам останется. Он послужит тебе напоминанием вести себя как полагается слуге – осторожно и почтительно.

В этот момент в комнату ворвались Марта, Зельма и Ханна с длинным ухватом для горшков.

– Вы не пострадали, госпожа? – запричитала Марта, поправляя задранное помятое платье.

– Позаботься о ней, – приказала Ханна, а сама ловко приставила ухват к горлу обидчика баронессы. – Зельма, поможешь! Мы привяжем эту тушу к кровати и запрем. Пусть захлебнется своей грязной кровью. Если сможет, выберется, а нет, собаке – собачья смерть.

Шольц, пытаясь подняться, давясь слюной, заорал:

– Пошли вон, старые колоды!

– Заткни ему глотку, Ханна, пока я оттяпаю его отросток на память. Он ему больше не пригодится, – зло прибавила Зельма, поигрывая ножом.

– А мы поможем. – В комнату влетела Эльза с огромной собакой. – Мой пес любит колбасу. Взять его, Демон!

Шольц выпучил глаза и дико заверещал, размазывая по лицу кровь.

Пес, ошетилив шерсть, злобно зарычал и встал передними лапами на кровать, оказавшись мордой с оскалившейся пастью перед лицом насильника. Шольц потерял сознание.

Женщины выполнили угрозу: втроем, разорвав простыню, быстро связали обмякшее тело и, сунув в рот кляп, покинули комнату.

– Тьфу, слабак, – брезгливо сплюнула Зельма, – даром что большой, – и засеменила за Ханной.

За ней последовала Эльза, похлопывая собаку по холке:

– Молодец, Демон! Победил борова!

Глава 5

Замок безмятежно спал. Луиза пробудилась среди ночи и, как ни пыталась уснуть, необъяснимая паника внутри не давала сомкнуть глаз: ее одолевали мысли о неминуемой беде. Она накинула на себя какой-то балахон, вышла во двор и, постоянно озираясь, побрела в сторону «Розового рая». Забрезжил рассвет.

«Какой странный туман! Поднимается вверх и так причудливо клубится! – удивилась девушка. – Быть может, наступил колдовской час, и это эльфы веселятся в саду, затеяв чехарду? Но откуда этот непривычный запах? Что-то случилось».

– Это не туман, – догадалась Луиза, когда увидела взметнувшийся в небо черный дым и огненные всполохи. – Пожар!

Она помчалась вдоль домов, где жили мастеровые, стала стучать в двери, окна, громко кричать, звать на помощь:

– Пожар! Пожар!

Люди начали выскакивать во двор и бежать к полыхающему строению.

– Пожар!

– Дом кастеляна!

– Шольц горит!

Через несколько минут собралась шумная толпа. Начался сущий ад. Со всех сторон раздавались крики и истеричные женские вопли:

– Что вы стоите! Сгорим!

– Воды!

– Тушите! Скорее!

Луиза, растолкав локтями перепуганных зевак, вырвалась вперед. Она моментально сообразила, что, если не преградить путь огню, он перекинется на конюшни, далее – на деревянные постройки и доберется до господского дома. Повернувшись лицом к толпе, она крикнула во всю мощь:

– Сбивайте огонь! Тащите воду, вилы, топоры, одеяла.

Люди немедленно повиновались. Она сама отважно бросилась тушить огненную змейку, быстро ползущую к воротам конюшни.

– Кони!

– Они в огненной ловушке!

– Не подобраться!

– Сгорят!

– Что теперь будет?

Услышав тревожное ржание, Луиза больше не испытывала страха и растерянности:

– Надо выпустить лошадей!

– Конюшню не спасти! Огонь слишком быстро распространяется!

– Молчать! – услышала она грозный окрик. – Слушайтесь баронессу, она дело говорит!

– Ты заживо хочешь сгореть? – какая-то женщина повисла на руке мужчины и истошно завопила: – Не пушу!

– Уйди с дороги! Кузнецу огонь не страшен!

Рассуждать не было времени. Луиза рванула к конюшням, но, почувствовав жар пламени, повернула назад, выхватила из чьих-то рук одеяло, накинула на голову и выкрикнула:

– Воды! Лейте на меня! Быстрее!

В тот же миг ее окатили из двух ведер, и она бросилась к воротам, а вслед летело:

– Идиотка! Вернись!

– Сгоришь, дура!

– Баронесса, куда вы?

Казалось, огонь лижет пятки и грозит сожрать ее. Луизе стало очень страшно. Чтобы не погибнуть, нужно проскочить огненную полосу. Задышавшись и пряча нос в мокрое одеяло, она принялась снимать деревянный засов, но он не поддавался. До крови изодрав ладони, она готова была разрыдаться от бессилья, но отступать поздно. Услышав сквозь конское ржание детский плач, она сделала отчаянную попытку плечом сдвинуть проклятый засов. Собрала все силы, поднажала, и ворота распахнулись. От неожиданности она отлетела в сторону и больно ударилась о коновязь.

Лошади с выпученными от страха глазами бились в стойлах. Луиза стала лихорадочно открывать их, не думая, что может попасть под копыта ошалевших животных, которые вихрем вылетели наружу, но заметались перед огненной завесой. Чудом избежав страшной опасности, она схватила за гриву ближайшего коня и направила его в сторону от огня, с силой ударив по крупу и громко прокричав:

– Пошел! Вперед!

Благородное животное повиновалось и рвануло прочь, за ним – остальные. Девушка кинулась назад в поисках плачущего ребенка и громко звала:

– Эй, малыш, где ты? Выходи! Надо спастись!

Огонь приближается. Жар проникает в легкие. Она добежала до конца длинного прохода и, наконец, в самом углу увидела мальчишку, сидящего верхом в седле. На чумазой рожице мелькнула виноватая улыбка, сменившаяся радостью:

– Фея, ты опять пришла.

– Ах, Сорванец, как ты здесь оказался? – Луиза рухнула на колени.

Малыш ничего не ответил и уткнулся ей в грудь. Она крепко обхватила его руками, невнятно нашептывая ласковые утешения.

– Баронесса, где вы? Отзовитесь! – раздался внезапный крик.

Луиза вскинула голову и увидела спешащего к ним огромного мужчину. Она узнала в нем, кузнеца, того самого, в которого вцепилась плачущая женщина.

– Вот и вы! Поднимайтесь, надо уходить! Сильно полыхает. Крыша может рухнуть, и тогда не выбраться.

– Кажется, я не могу, – только и смогла вымолвить девушка. – Ребенок.

Не говоря ни слова, кузнец подхватил обоих на руки и поспешил к выходу. Как только они оказались на улице, у Луизы перехватило дыхание от едкого запаха гари. Мужчина приблизился к сгрудившейся толпе и бережно опустил драгоценную ношу на лавку.

– Пожар мог погубить замок, но благодаря вам мы сумели потушить его. Все очень признательны вам, баронесса.

Луиза завладела всеобщим вниманием. Смертельная усталость не давала ей шевельнуться, но она не могла отвергнуть знаки внимания, боясь показаться грубой.

– Она поступила правильно, как истинная баронесса. – Ханна опустилась на колени, осматривая поврежденную ногу девушки. – Разойдитесь, надо помочь хозяйке, – почти невежливо оборвала она поток благодарностей. – Похоже, вы сильно поранились, госпожа, – в голосе кормилицы зазвучала тревога.

– Сначала Сорванец...

Подроспевшая Марта отцепила малыша от спасительницы:

– Что за несносный мальчишка! Как тебя на конюшни занесло?

– Учился сидеть в седле.

– Почему ты ночью решил учиться? – поинтересовалась Ханна.

– Задремал малость.

– Вернется барон – он тебя в крапиве сидеть научит! – в сердцах бросила Марта – А пока марш в прачечную, пусть тебя мать в котле отмочит.

- Фея, можно я лучше домой побегу?
- Беги, пока тебя не хватились!
- На этот раз уж точно розги отведаешь! – пригрозила Марта.

Дважды постреленку повторять не пришлось, он юркнул меж людей и помчался в сторону дома.

Луиза разрешила себя увести, прикрывая опухшей ладонью разорванное на груди платье.

Ханна с помощью Марты быстро обтерла девушку теплой водой, удалив следы сажи, обработала ссадины и раны и уложила в постель.

- Вы страшно измучены, госпожа... – Ханна дала ей настойку опия.

Луиза ничего не слышала и не ощущала боли.

Вольф без устали гнал лошадь. Он спешил в замок с радостным известием:

- Король дал высочайшее позволение жениться.

Больше месяца он провел во дворце, развлекая и угождая своему сюзеру приключениями и смелыми авантюрами. Король ценил его бесстрашие, переходящее иногда в безрассудство, его даже не раздражала манера Холодного Вольфа держаться независимо. Барону не было равных в коварстве, интригах, подковерных играх, которыми охотно забавлялся король.

Вольф прекрасно знал нрав своего венценосного господина, его сладострастное обожание женщин, поэтому решил воспользоваться полуправдой: выбрав удачный момент, представил королю желание жениться необходимостью иметь законного наследника.

– Кого ты задумал осчастливить, кому намерен оказать эту честь, друг мой Вольф? – спросил король заплетающимся языком, находясь в изрядном подпитии.

– Выбор сделан родичами. Она молода, здорова, недурна собой, но слишком скромна и пуглива. Придется изрядно поработать над ней, дабы достойно представить вашему величеству.

Король Фридрих расхохотался, по-своему восприняв откровение своего вассала:

- Старайся! Не посрами наш мужеский род.

– Молодая ждет. Не заболела бы от неизвестности, – осторожно намекнул Вольф о желании отправиться домой. – Придется ехать.

– На том и порешим, барон. Запрягай коней – и в путь! Не перестояла бы кобылка в стойле, – довольный своей шуткой, король хлопнул по спине Вольфа. – Пойманная добыча не должна ускользнуть.

– С вашего позволения, мой король, с рассветом покину дворец. Дорога к невесте предстоит не близкая.

Выносливость барона граничила с сумасшествием: он нещадно торопил людей, чтобы поскорее добраться до замка. Рыцари изрядно устали, им требовался отдых и хороший сон.

Завидев небольшой лесочек, Ральф, командир отряда охраны барона, поднял руку:

- Остановимся, ваша милость, чтобы напоить и накормить лошадей. Здесь и заночуем.

Мужчины спешили и тотчас принялись за свои дела: расседлали навьюченных лошадей, стреножили всех коней и пустили пастись, разожгли костер, чтобы приготовить пищу, достали бочонок пива.

Командир, заметив, что молодой оруженосец барона замешкался с боевым конем и дважды отведаль кнута хозяина по спине, незаметно помог ему и велел убраться, чтобы не раздражать господина.

Наконец всадники, сопровождавшие их оруженосцы и слуги, расселись на небольших камнях и, хорошо подкрепившись, растянулись на траве. Когда стало заметно темнеть, Ральф сделал знак собрать оружие и расположиться на ночлег ближе к костру.

Вольф улегся на спину на своем соломенном тюфяке. Подложив руки под голову, он поднял глаза к небу. Вглядываясь в сверкающую звездную россыпь, он представлял лучистые глаза. Ах, как он тосковал по ним! И хотя по выражению его лица никто не мог догадаться, что творилось в его душе, он больше не испытывал гнева на Луизу и чувствовал себя счастливым. Такого еще с ним не было. Не нарушая ощущения внутреннего покоя, он повторял и повторял заветное имя.

Барона не волновало, ждет она его или нет. Слуги получили вполне определенные указания относительно ее положения, и он знал, что они будут беспрекословно исполнены.

Вольф даже под пыткой не признался бы в том, что чувствует себя в долгу перед похищенной девушкой после нанесенного ей позора. Он представлял, как одарит ее драгоценностями, оденет в дорогие наряды. Как только она привыкнет к своему новому положению, знатному окружению, приобретет соответствующие манеры, он представит ее королю. Ему будут все завидовать, ибо такой жены ни у кого нет – ни у герцогов, ни у маркграфов. Барон в предвкушении своего триумфа довольно потер руки.

Он вспомнил, как в полном безрассудстве со всем пылом целовал прекрасную деву.

– Ты не смеешь отказать! – требовал он. – Тебе не избавиться от меня, ты моя пленница.

– Я презираю вас, – бесстрашно отвечала она, – надеюсь, вы мной подавитесь!

Ее отчаянное сопротивление пробуждало желание познать, какие тайны скрывает ее тело. В нем бушевали адские страсти, переполняя решимостью обладать, покорять.

Вольф весело усмехнулся. Он не сомневался в своей победе. Он едет домой, чтобы сделать ее следующей баронессой.

Желая приблизить рассвет, чтобы поскорее двинуться в путь, он натянул на голову накидку и моментально уснул.

Его разбудил протяжный волчий вой. Горло сковало страхом. Вольф судорожно втянул в себя предрассветную прохладу и провел ладонью по лицу: «Скверное предзнаменование, – промелькнуло в голове, – жуткие звуки, видать, наступил колдовской час».

Барон подошел к роднику и ополоснул лицо. Холодная вода остудила разгоряченное воображение, и он отогнал дурные мысли, посчитав их слабостью, недостойной мужчины.

Опустив голову, он прошел между спящими воинами, привалился к камню и нахмурился: вряд ли стоит рассчитывать на скорый отъезд в сопровождении охраны. Похоже, он здорово их загнал своей бешеной скачкой.

– По всему видно, будет дождь. Воздух сырой, – услышал он голос дозорного. – Там вдали сверкали молнии.

– Пройдет немало времени, пока он начнется. Я намереваюсь еще до полудня добраться до замка, теперь же мне необходимо подкрепиться.

Слуга поспешил исполнить приказ, но все же вежливо произнес:

– Осмелюсь предложить задержаться здесь. Риск оказаться на дороге под ливнем слишком велик.

– Это неважно, я прекрасно справлюсь, – презрительно отмахнулся Вольф. – Не хочу заставлять баронессу ждать.

– Если погода взбесится, возникнет немало препятствий.

– Заткнись! Считаешь, что имеешь право подвергать сомнению мои поступки? Страх – удел простолюдина, а не рыцаря.

– Простите, господин, приказывайте.

– Седлай коня, я не намерен задерживаться.

– Слушаюсь, ваша милость!

Полчаса спустя барон натянул перчатки, взял хлыст и зашагал по росистой траве к своему коню. Он ловко вскочил в седло, обернувшись через плечо, приказал:

– Даю вам час на сборы. Нагоните меня.

Барон взял с места в карьер и направил коня к почтовому тракту. Он беспрепятственно мчался по знакомой дороге, радуясь мощи и выдержке боевого коня, не замечая порывистого ветра. Низко над головой кружила воронья стая. От пронзительных криков дрожал воздух. Он всей кожей ощутил неприятный озноб и раздраженно выкрикнул:

– Что еще задумали? Напрасно только стараетесь! Сроду вас не боялся! Кыш, проклятые!

Внезапно налетела грозовая туча, и из нее, словно из разорванной мешковины, полил дождь. Припустив не на шутку, он разогнал воронье, но зловещие крики не умолкали.

– Вовсе не обязательно так кричать. Вижу, что беснуется непогода, – барон бросил сердитый взгляд на дорогу, – развезло все, и укрыться негде.

Дождь усиливался с каждой минутой. Конь начал уставать, пару раз споткнулся и едва не уронил седока. Промокшему до нитки Вольфу пришлось нагнуться и вцепиться в гриву, чтобы удержаться в седле. Не ожидая от себя такого малодушия, он стал уговаривать своего скакуна:

– Держись, не падай! Мы справимся с этой напастью. Мы – отважные воины.

Барон огляделся в поисках укрытия, но сквозь дождевую завесу ничего не увидел. Его бил озноб, дыхание участилось. В следующее мгновение ему показалось, что впереди забрезжил просвет.

– Вперед! Смелее! Там нет дождя.

Конь остановился и глухо заржал, раздувая ноздри. Внезапно налетевший смерч свалил его с ног и выбил барона из седла. Вольф застонал – рука нестерпимо ныла, виски пульсировали болью, лицо саднило от царапин. Не в состоянии подняться он дважды перевернулся, уперся спиной в небольшой валун и бессильно прикрыл глаза.

– Какая гнусная ирония – умереть под дождем, – непослушными губами произнес барон.

Вдруг дождь прекратился так же неожиданно, как начался.

«Сомневаюсь, к лучшему ли это затишье», – не шелохнувшись, подумал Вольф. Что-то екнуло в груди, и он ошарашенно тряхнул головой, пытаясь сообразить, что происходит: сквозь плотные серые облака пробился светящийся диск и стал разрастаться.

– Померещится же такое. – Он быстро закрыл глаза и снова открыл их. Диск не исчез. В центре стали проявляться очертания женской фигуры в прозрачном платье. Ее распущенные волосы венчала алмазная диадема.

Барон содрогнулся от безрассудного страха и замер в оцепенении. Женщина подняла руку и позвала за собой. Он не двинулся с места.

– Кто ты? Чего ты хочешь? – отшатнулся он.

Женщина продолжала манить. Вольф, совершенно не желая того, поднялся и, спотыкаясь, двинулся к ней. Ему казалось, что время замедлило свой ход, и в этом мире остались только Он и Она. Барон шел, не пытаясь сопротивляться, желая разглядеть лицо незнакомки.

– Зачем зовешь? Я не хочу тебя. Меня ждет невеста. Она подарит мне наследника.

Небесное свечение вспыхнуло, и Вольф узнал женщину – жена брата.

Страх обрушился на него с новой силой:

– Зачем явилась? Я не обижал твоего сына, – внезапно вырвалось у него.

Она молчала и управляла им всего лишь легким поворотом запястья. И он, подчиняясь каждому ее движению, шел наугад через плотную пелену тумана. В последнюю минуту сдали нервы, и он закричал во весь голос:

– Ты дразнишь меня. Прекрати! Я не стану молить о прощении.

Было нечто пугающее в ее молчании.

– Ты далеко заходишь, и мое терпение не бесконечно. Я больше не сдвинусь с места. Убирайся!

Женщина печально улыбнулась – мгла рассеялась, и Вольф понял, что стоит на краю зловещей пропасти, в которой погибли брат с женой.

И он воочию увидел, как, переодевшись, занял место кучера, чтобы править каретой, в которой находились брат с женой. Доехав до опасного поворота, ведущего к выработанной и заброшенной штольне, спрыгнул с козел и, стеганув лошадей, хладнокровно направил экипаж в пропасть. Убедившись, что все мертвы, ничуть не сожалея о содеянном, он тайно вернулся домой.

Маленького Карла нашел отряженный на поиски барона отряд. Мать чудом выбросила его из кареты в последний момент. От глаз убийцы его спрятала высокая трава. Вольф не посмел избавиться от ребенка.

«Судьбы не избежать! – промелькнуло в воспаленном сознании барона. – Я виноват! Прости, брат!». Вольф пошатнулся, не устоял на ногах, и, даже не сделав попытки удержаться, рухнул в пропасть.

Конь медленно побрел по дороге.

Глава 6

Луиза прогуливалась по «Розовому раю», наслаждаясь тишиной и пышным цветением кустарников. В какой-то момент у нее сдавило грудь, в глазах потемнело, и она медленно опустилась на землю. Она попыталась позвать на помощь, но к удивлению, не смогла – губы перестали слушаться.

– Что с вами, госпожа? – подбежала Марта. – Позвольте помочь.

Луиза покорно подчинилась и с помощью служанки поднялась на ноги.

– Осторожно! Вам надо прилечь.

– Голова закружилась, но теперь все прошло. Нет причин для беспокойства.

– Присядьте хоть ненадолго. – Сокрушенно качая головой, Марта усадила хозяйку на садовую лавку.

– Вам не здоровится, госпожа баронесса? У вас утомленный вид.

– Как поживаете, Ханна? – не отвечая на вопросы появившейся на тропинке кормилицы, поприветствовала ее Луиза.

– Хвала господу, – небрежно отмахнулась Ханна. – Мне не нравится ваша бледность. – Глаза женщины превратились в узкие щелочки: – Вы беременны?

– Ни в коем случае, – лицо потрясенной Луизы побагровело. – Я не делила постель с бароном, – запротестовала она.

Было видно, как напряглась ее тонкая фигурка.

– В действительности это не мое дело, – Ханна поджала губы, – но извиняться не считаю нужным. Я хотела предложить успокоительный отвар.

– Благодарю за заботу, но в этом нет надобности.

– Вас что-то тревожит. Вы побледнели. Идемте, я напою вас монастырским вином.

– Не откажусь. Да, вино будет в самый раз.

– Марта, приготовь госпоже травяной отвар и постель. Я сама приведу ее позже.

Понимая, что возражать грозной Ханне бесполезно, Марта не без сомнения заставила себя послушаться строгого приказа хозяина не упускать из виду свою госпожу и бросилась выполнять приказ кормилицы.

Луиза, оказавшись в комнате Ханны, осторожно присела на уютный диванчик.

– Здесь очень мило, – вежливо произнесла она.

– Я скоро вернусь.

Оставшись одна, Луиза сделала несколько шагов по комнате и удивилась шкафу с детскими игрушками. «Ни за что бы не догадалась, что Ханна, довольно суровая, если не сказать, деспотичная женщина, окажется такой сентиментальной», – подумала она, выразительно пожав плечами.

Ханна поспешила на кухню и столкнулась с Зельмой, вернувшейся с лугов с корзинкой собранных трав.

– Ты пока не приходи ко мне.

– Мне одной перебирать травы? – проворчала служанка. – Их сушить надо.

– Позже. Мне нужно поговорить с баронессой.

– Что тебе на этот раз взбрело в голову? – взвилась Зельма. – Хочешь хозяина разозлить?

– Не нужно спорить. Я чувствую неладное.

Зельма смотрела на подругу с едва скрываемым неодобрением, в то же время сгорая от любопытства:

– Я не назвала бы ее несчастной, да и глупой никак нельзя назвать. Скорее упряма и опрометчива.

– В обморок упала.

– Все приступы, жалобы, обмороки – притворство, чтобы заставить нас сделать по-своему.

– Я безошибочно прочла в ее глазах мольбу о помощи. Надо расспросить и, если потребуется, поддержать, силы ей еще понадобятся. Вот-вот хозяин вернется.

– Странно, теперь кормилица сочувствует баронессе. У меня слов нет.

Обезоруженная столь легкой победой над несговорчивой старушкой, Ханна пообещала позже все рассказать и с подносом в руках выплыла из кухни. Она вернулась в свою комнату и захлопнула дверь.

– У меня создалось впечатление, – разливая вино в чаши, осторожно начала разговор Ханна, – что вы чем-то ужасно расстроены.

– Отрицать невозможно. Думаю, причина в моих неотступных мучениях от неизвестности.

– Все считают вас баронессой.

– Какое имеет значение, кем меня считают, если я знаю, что это не так. Положение – хуже не придумаешь. Мне не подходит роль баронессы.

– В вас нет тщеславия, и вы не замечаете, какое впечатление производите на окружающих, – тихим голосом возразила Ханна. – Ваша гордость – причина страданий.

– Вовсе нет! Неужели непонятно, я любила и была счастлива. Моего мужа вероломно погубили, заявив право первой ночи. А что взамен? Коварный и беспощадный старик! У меня от него оскомина, – неожиданно разрыдалась Луиза.

Ханну до глубины души потрясло неподдельное горе девушки.

– Не такой уж он старик...

– Временами мерещится что-то невероятное, – всхлипывая, жаловалась Луиза. – То женщина с младенцем на руках, то озорной мальчишка, сидящий на дереве и показывающий язык, то рыцарь с закрытым забралом, то жуткая бездонная пропасть.

– Когда появляются эти видения?

– После прогулок по замку, – судорожно выдохнула девушка. – Я даже глаза боюсь закрыть.

– В этом нет необходимости. Видения не исчезнут.

– Раньше у меня такого не было. Наступает вечер, а с ним – странное беспокойство.

– Никто не знает, когда открывается этот дар.

– Во имя господи, о чем вы толкуете? Я не хочу. Мне страшно.

– Это не опасно. Божественный дар ясновидения не таит угрозы.

– Всего лишь грозит петлей или костром палача, – с отчаянием обреченной прошептала Луиза и с несчастным видом уставилась на кормилицу.

Ханна промолчала.

– Не знаете, что сказать?

– Глупо жаловаться на то, чего не изменить. Ангелы присматривают за тобой и твоим даром, девушка. Смирись!

Луиза печально произнесла:

– Последнее время ангелы были глухи к моим мольбам.

Ханна пристально посмотрела ей в глаза:

– Никто из нас не знает, что предначертано судьбой. Не стоит пытаться разгадать ее секреты. Понимание придет с возрастом и опытом.

Луиза окончательно растерялась и произнесла задыхающимся шепотом:

– Ханна, я знаю, что-то произойдет. Сама себе не смею признаться в этом, даже дышать трудно бывает, но предчувствие не обманывает меня.

– Вы слишком много переживаете, баронесса. Просто нужно помнить, что не все пророчества сбываются. Старайтесь быть хозяйкой своей жизни, – Ханна запнулась, – несмотря на видения.

– Ненависть придавала мне силы, но недавно я услышала голос: «Ты предназначена барону». Я плакала, но слезы не помогли. Неужели я обречена? Не хочу, чтобы это сбылось.

Ханна не была бесчувственной, как хотела казаться, она медленно гладила девушку по голове и терпеливо ждала, когда та успокоится.

– Мне нечем вас утешить. Барон добьется своего, он здесь хозяин. Но если это как-то успокоит, скажу, что и он, как выяснилось, не камень. Холодный Вольф сам оказался в плену вашего очарования, да так, что готов жениться.

– Мне нет дела до желаний распутного негодяя. Только... – Луиза потеряла поясok платья. – Только я не увидела его рядом. То было молодое лицо с серыми глазами, подобными грозовому небу. Я была не в состоянии оторвать от него взгляда и чувствовала себя самой счастливой женщиной. Это ощущалось одновременно и чудом, и благословением.

Ханна недоверчиво взглянула на притихшую девушку.

– Я не собиралась посвящать вас в тайны замка, баронесса, но теперь придется. – Голос ее прозвучал неожиданно мягко, это удивило Луизу. – Скоро вы сами все узнаете. Лучше от меня.

– Я не хочу знать чужие тайны.

– Этот мальчишка рос страшным бедокуром, – заговорила Ханна, не обращая внимания на протесты баронессы. – Непоседа, гораздый на выдумки, но добрый и веселый. Я воспитывала его с колыбели. Мне передал его барон, когда ребенок остался сиротой. Оба его родителя погибли – карета сорвалась в пропасть. Годы спустя, барон признал Карла наследником и отправил учиться за границу. С тех пор я его не видела.

– Он вернется. Я это видела, – прошептала Луиза, утирая слезы.

– Но мне мало просто услышать эти слова...

– Он вас не разочарует. Но...

– Хорошо, что вернется, – умиротворенно произнесла кормилица.

В дверь громко и настойчиво застучали.

– Войдите!

Запыхавшаяся Марта выпалила:

– Рыцари! Требуют баронессу.

– Идите! – подтолкнула Луизу кормилица.

– Но я не...

– Идите!

Луиза распрямила плечи и прошла в просторный зал для приема посетителей. За ней безмолвно следовали служанки.

Рыцарь в боевом облачении вышел вперед и склонился в почтительном поклоне:

– Ваша милость, прошу простить за то, что нарушили ваш покой. Мы нигде не можем найти кастеляна. Но дело срочное и не терпит отлагательств.

– Приветствую вас, доблестный рыцарь!

– Командир гарнизона Ральф Шнейдер.

– Что привело вас ко мне, командир?

– Барон исчез, – без всяких предисловий отчеканил Шнейдер.

– Как исчез?

– Он не вернулся в замок, мы не встретили его на дороге.

– Рассказывайте!

Шнейдер четко с подробными деталями изложил баронессе события, которые произошли на стоянке сторожевого отряда.

– Осмотрели окрестности?

- Обыскали каждый угол, не пропустили ни одного куста, ни одного оврага.
- Он не должен был ехать один. – Странное сожаление окатило Луизу.

Опершись на руку Ханны, она тихо промолвила: – Я знала, что-то случится, я чувствовала это, но не могла сказать вслух.

Ханна сжала ее ладонь, призывая к молчанию. Проклиная судьбу и заодно свой характер, Луиза твердым голосом объявила:

- Я сама отправлюсь на поиски барона. К утру будьте готовы.
- Слушаюсь, госпожа!

– Ральф, голубчик, пройдем в гостиную, я тебя угощу отменным пивом, – приветливо обратилась кормилица к рыцарю. – Баронесса не откажется составить нам компанию.

– Госпожа Ханна, тем самым? Я с детства помню его вкус и запах, – блеснув зубами, широко улыбнулся он.

- Не шали, Ральф, в детстве я вас поила молоком, – погрозила она пальцем.
- Вы забыли о наших с Карлом проказах?
- Разве о таком забудешь! Идем же!

Ральф обнял кормилицу за плечи.

– Какой ты большой, малыш!

– Подрос, матушка Ханна, – лукаво хмыкнул рыцарь и галантно предложил ей руку. Ханна, сделав знак Марте заняться баронессой, ободряюще улыбаясь рыцарю, направилась в гостиную.

- Ральф, разожги жаровню, здесь прохладно. Баронессу знобит.
- Слушаюсь, матушка Ханна!

Сильные руки и ноги, широкие плечи, короткий меч на кожаном поясе свидетельствовали о том, что Ральф был прирожденным воином. Он подошел к медной жаровне, разжег ее и без труда перенес ближе к креслам, потом добавил еще углей из стоявшей в углу корзины, перемешал их.

Пока он возился с жаровней, женщины усадили Луизу в просторное кресло, Зельма достала плед, и Марта бережно укутала ей ноги, Ханна внесла чаши и кувшин золотистого пива. Луизе она вручила кружку подогретого вина с медом и травами. Без всякого сопротивления та стала пить его маленькими глоточками.

В гостиной пылал огонь, даря тепло и радушие притихшим женщинам, позабывшим ранги, положение, условности. Они в задумчивости смотрели на пламя, вспыхивающее причудливыми огненными языками.

– До тех пор, пока мы доподлинно не узнаем, что произошло с бароном, станем соблюдать осторожность, – ни на кого не глядя, первой заговорила Ханна. – Уже завтра сплетни разползутся по всей округе, и неизвестно, к чему это приведет. В первую очередь, следует закрыть рты слугам, которые не могут удержаться от болтовни. Они будут молчать, если им прикажут. Поэтому пока не объявится барон, управление замком должна взять на себя баронесса.

– Это невозможно, Ханна, – встрепенулась Луиза, – и вы понимаете почему. У барона есть кастелян, он знает свое дело.

– Сбежал подлец сразу после пожара. Прискорбно пренебрег своими обязанностями, даже не вспомнил, как вольготно грел свой зад на хлебах барона.

– Я просто не в силах выполнять такие обязанности. Это сразу вызовет недоверие, разговоры, – несмотря на слабость, вскочила с места Луиза.

– Слухи довольно скоро утихнут, – подала голос Зельма, – если, – она осторожно огляделась, хотя подслушивать было некому, – сочинить и преподнести правдоподобную историю. Можем объявить, что барона призвал король наказать мятежников, или скажем, что он отправился на Святую Землю замаливать грехи.

- Не вижу необходимости лгать.

– Хватит метаться из стороны в сторону, – строго потребовала Ханна и жестом пригласила Луизу сесть. – Это временно. И такой обман почти невозможно раскрыть.

– Опять начались приграничные войны, – проговорил Ральф достаточно громко, чтобы его услышали.

– Я не намерена играть в вашу игру. – Луиза на мгновение умолкла, а потом решительно заявила: – У меня в голове одна мысль: теперь я могу сбежать и исчезнуть, и вы не можете за это осуждать.

– Вздор! – воскликнула кормилица. – Вам некуда идти. Не стоит обманываться.

– Охота ей болтать глупости, – пробурчала Зельма. – похоже, что рехнулась маленько.

– Выбор у вас небольшой: либо в баронессы, либо в монастырь.

– Забудьте о своих страхах, госпожа, соглашайтесь, – взволнованно зашептала Марта.

– Оставим этот разговор, вы все слишком торопите события, – решительно остановила служанок Луиза. – Барон может вернуться в любую минуту. – Она в упор посмотрела на командира, сопровождавшего барона в поездке к королю.

– Вы правы, госпожа, обсуждать неизвестность не имеет смысла.

Никто не возразил ему, лишь Зельма упорствовала:

– Пусть так, но по доброй воле или по принуждению вы станете баронессой.

Луиза сделала вид, что не расслышала и обратилась к Ральфу:

– С рассветом отправимся на поиски хозяина замка. Подберите надежных людей и, – помолчала, – неболтливых.

– Ваш покорный слуга. Будет исполнено.

– Не очень-то мудро проявлять такую прыть женщине–узнице, – не унималась Зельма.

– Угомонись, Зельма. Баронесса вольна поступать, как пожелает.

– Со мной ничего не случится.

– Не вижу даже глиняной кружки, которую могла бы разбить вдребезги, – с досадой проворчала Зельма.

Глава 7

Одетая в дорожное платье Луиза поспешила во внешний двор замка, где уже толпились вооруженные воины. Ральф в коротком плаще и с непокрытой головой был выше всех мужчин, находившихся рядом. «Несгибаемый воин, его уважают и ему подчиняются», – подумала она, оценив статную выправку и гордый профиль рыцаря.

- Приветствую, госпожа баронесса! Отряд сопровождения готов следовать за вами.
- Вы оказываете мне честь, не оставляя без защиты. Барон оценит вашу любезность.
- Примите заверения в нашей преданности, баронесса.

Час был довольно ранний, когда небольшой отряд выехал за ворота, оставив недоумевать пораженного необычным зрелищем привратника: ослепительной красоты девушка, окруженная восемью рыцарями, закованными в латы, бесстрашно восседала на белом коне.

В самом начале пути Луиза почувствовала себя не в своей тарелке: куда заведет ее неосторожное решение отправиться на поиски ненавистного барона? Нищие, голодный сброд и прочие оборванцы, скитающиеся по дорогам, представляли немалую угрозу.

- Вы решили, куда следует направиться в первую очередь, командир?

– Мы проделали весь путь от последнего привала барона до замка, но не обнаружили никаких следов.

- Я должна увидеть это место. Едем! Пришпорим коней!

– Дороги не безопасны, госпожа. Я приказал держать наготове копья и луки, вытащить из ножен мечи, это несколько задержит наше продвижение.

– Может, барона похитили и запросят выкуп? Грабителей, слоняющихся по дорогам, не пугают титулы и положение.

– Опасности представляют волки, медведи, кабаны, – осторожно произнес Ральф. – Хвала господу, мы не обнаружили кровавых следов хищников.

Луиза помрачнела от ужасного предположения, но храбро продолжала путь. Внимательно всматриваясь в придорожные кусты, извилистые тропинки, каменные валуны, она упорно посылала воинов охраны обследовать подозрительные места, однако ничего обнаружить не удавалось.

– Куда ведет эта старая дорога? – указала она на скрытое разросшимися кустарниками ответвление от основного тракта.

- Там дебри, заброшенная штольня, ущелье.

– Нужно посмотреть. Барон под ливнем очень легко мог сбиться с дороги, – обронила она, направляя коня в указанную сторону к одиноко стоящим вековым соснам.

– Барону не было надобности сворачивать. Он слишком торопился в замок, – заметил командир Шнейдер.

Луиза ничего не ответила. Полумрак густых зарослей вызвал в памяти рассказы о злых духах, уродливых троллях, грозных великанах. «Не самое гостеприимное место», – рассеянно подумала она, держась ближе к командиру и терзаясь недобрым предчувствием. Прошлой ночью она не раз пыталась призвать видение на помощь, но оно не приходило. Почему сейчас ее неудержимо влечет вглубь внезапно разлившегося тумана, из-за которого все стало казаться призрачным и жутким?

За ней в полном молчании следовали рыцари с копьями наготове.

Выехав на простор, она соскочила с коня и, не разбирая дороги, побежала вперед, подчиняясь неведомой силе, влекущей в туманную даль, и остановилась, только услышав властный женский окрик:

- Стой!

Луиза совершенно неподвижно застыла на краю зияющей пасти глубокого ущелья, откуда повеяло холодом и сыростью.

«Место коварного убийства», – содрогнулась она, всматриваясь в невидимую картину. Она отпрянула, но не смогла сдвинуться с места. Кровь бешено шумела в ушах, тот же голос, что остановил ее, теперь шептал: *«Позаботься о моем мальчике»* ...

Ральф заглянул в лицо баронессы:

– Не стоит находиться в шаге от бездны. Там нет того, что мы пытаемся найти.

– Она хранит страшную тайну. Я... я не могу объяснить, это просто приходит мне в голову.

– Вы побледнели. Отойдем. Вам нужно передохнуть.

Луиза вложила пальцы в его испещренную боевыми шрамами руку и ощутила стальную хватку, в которой чувствовались воля и отвага. В душе шевельнулась слабая надежда, что командир Шнейдер тот человек, который поможет ей обрести желанную свободу.

– Посидите возле меня, – сказала она, устраиваясь на расстеленной Ральфом конской попоне.

Если он и изумился необычной просьбе, отказать не посмел.

– Что будет, если барон не найдется? – Вздох, вырвавшийся из груди баронессы, дал понять, что она очень встревожена и растеряна.

– Не в моей власти ответить на ваш вопрос. Мое дело – служба, воины гарнизона, охрана замка, – уклончиво ответил Ральф.

– Я устала от неусыпного надзора и неизбывного страха за свою жизнь, свое будущее. Я узница хозяина замка, мне душно в этой тюрьме. Хочу исчезнуть оттуда навсегда.

Луиза не могла предугадать заранее, как подействует на него рассказ о ее злоключениях, ведь Ральфа не было с бароном в день ее похищения, но она поведала не только историю своего появления в замке, но и свои страдания и унижение.

– Не предполагал, сколько вам пришлось вытерпеть, – ошеломленный неожиданным откровением баронессы, промолвил Ральф. – Догадываюсь, как вы натерпелись.

– Ничего не могу с собой поделать – тоскую по прежней жизни.

– Не понимаю, зачем тосковать по тому, что утеряно и не вернуть. Но ваша жизнь изменится, – уверенно произнес Ральф, заметив, что боль безнадежности не исчезла с грустного лица. – Вы больше не будете сидеть взаперти, останьтесь и позвольте служить вам.

– Благодарю, господин Шнейдер. Мне очень нужна ваша поддержка. Вдруг он вернется...

Выражение неподдельной скорби, появившееся на лице девушки, оказалось для Ральфа как внезапный удар в солнечное сплетение.

– Я бы предпочел, чтобы ОН не нашелся, – произвольно вырвалось у Ральфа. – Не могу видеть вас такой печальной, – произнес он так проникновенно, что Луиза почувствовала, как рухнула между ними невидимая преграда – отныне преданность его никогда не пошатнется.

– Вы можете мне покинуть замок?

– Нет! Это безумие. Вы не можете этого сделать. Матушка Ханна говорила, что деревня не примет вас.

– Я не сделала ничего дурного, меня не за что изгонять.

– Людям будет трудно это доказать.

Ответа не последовало.

– Баронесса, не вижу причин, почему вам не прислушаться к кормилице и не согласиться с предложением принять титул и править замком.

– Придется лгать, а ложь противна моей натуре, – гордо вскинула голову Луиза и величественно поднялась. – Замок не мой дом. Не желаю навлечь осуждение соседей и слуг.

Ральф пристально посмотрел на девушку и, прикрыв глаза, надолго замолчал.

«Она поразительна. Ни одна женщина не идет с ней в сравнение. Глаза излучают теплое сияние, красиво вылепленные губы притягивают... – Ральф испытал потрясение и тут же устыдился своих желаний. – Господь милосердный, это запретные мысли и чувства, и надо избавиться от них. Она нуждается в том, чтобы о ней заботились, защищали». Придя в себя, он овладел голосом:

– Ложь во благо... Все будут держать в тайне. Не знаю как, но, вне всякого сомнения, вы сумели покорить почти весь замок.

– Что, если вы ошибаетесь, придавая желанию смысл, которого нет? – болезненным тоном выдавила она свои сомнения.

– Я привык отвечать за слова и последствия своих поступков.

Луиза нахмурилась, сочтя неприличным продолжать настаивать на своем. Она поднялась и медленно устремила глаза к небу. Там парила птица. Ее полет и небесная голубизна несколько успокоили ее. Она подставила лицо легкому дуновению ветерка, вдыхая терпкие ароматы знакомых трав... Отойдя к старому каштану, остановилась, чтобы собраться духом и согласиться стать хозяйкой замка.

Луиза обернулась к рыцарю. В глаза бросились черные корявые пни и уродливые обломки веток, среди которых мелькнула змея. Скрытая камнями и дикими травами, она подкрадывалась к мужчине, который, ничего не подозревая, сидел, вытянув ногу, все еще беспокоившую его старой раной.

– Не шевелитесь! – едва слышно прошептала она, осторожно подобрав сучковатую палку. У Ральфа перехватило дыхание, когда змея заскользила по его сапогу.

«Иисусе! – подумал он. – Гадюка – вестник смерти». – Пальцы сомкнулись на рукоятке кинжала.

Луиза, не чувствуя страха, подцепила гадюку палкой и швырнула ее в сторону ущелья.

Ральфа пробил холодный пот.

Подъехавшие мужчины сгрудились, чтобы поблагодарить женщину, победившую ядовитую гадину, за спасение своего командира.

И она почувствовала, что чрезвычайно измучена:

– Мы возвращаемся.

За спиной раздались вздохи облегчения.

После нескольких часов бешеной скачки Луиза с трудом пережила мысль о том, что змея могла укусить ее.

Она отказалась встречаться с поджидавшими ее слугами, отправила Марту восвояси, не раздеваясь, улеглась поверх покрывала и уснула. Непродолжительный сон вернул ей силы, прогнав тягостные мысли о бароне, гадюке и странном женском голосе.

Ополоснув лицо и выпив мятной воды, она уселась за прялку.

Луиза сидела и в спокойном отрешении вытягивала шерстяную нить, когда в дверь постучали.

– Входи, Марта!

Вопреки ее ожиданиям, на пороге возник лакей.

– Госпожа баронесса! Велено доставить немедленно, – произнес он, склоняясь в почтительном поклоне.

Луиза забрала слегка помятый пергаментный пакет из протянутых рук и медленно отступила, пропуская двух воинов с огромным сундуком, который они поставили у окна.

Лакей прочистил горло и торжественно передал приглашение господина Ральфа Шнейдера, командира рыцарей, отужинать в большом зале. Баронесса отклонила приглашение. Он низко поклонился и вежливо удалился.

Луиза повертела в руках пакет с красными восковыми печатями, бросила его на сундук и равнодушно отвернулась. Взяв корзинку с пряжей, она вернулась к своему рукоделию.

Залаяли собаки, со двора слышалось гроыхание телеги.

«Надо кузнецу сказать, пусть посмотрит колеса, лязгают, как кандалы на узниках, – машинально, словно рачительная хозяйка, подумала она. – О чем это я? Что за сравнение пришло в голову?».

Луиза зажгла свечу, прошествовала к окну и забралась на подоконник. Ночная стража, стоящая на часах у ворот и на стенах, патруль замка – несколько мужчин с копьями – негромко перекликались. Девушка по привычке заговорила сама с собой:

– Чувствуешь себя узницей, потому и сравнения несуразные. Но вот путь свободен – можешь бежать. Бежать туда, где никто не найдет.

Но тут же сама себе возразила:

– Напрасные мечты. Будь честна хотя бы с собой – тебя никто не ждет. Возможно, лишь аббатиса Бенедикта примет заблудшую дочь, – она сглотнула подступивший ком к горлу, но все еще не сдавалась: – Ты молода, здорова, появится тот, кто составит твоё счастье. – Однако, прикрыв глаза, Луиза вновь испытала уже знакомое смятение, граничащее с отчаянием. – У тебя ни титула, ни денег! Кто соблазнится бесприданницей? Ничто не приходит в голову? Слезай с подоконника и отправляйся спать. – И она погасила свечу.

На другой день Луиза пробудилась довольно поздно – бессовестно проспала. Удивляясь, что Марта до сих пор не появилась и не разбудила ее, она дернула за шнурок сонетки. На зов никто не явился. Немного понежившись в постели, девушка поднялась и прошла за ширму. Медный чан с водой стоял на обычном месте. Она умылась, выбрала простое и удобное для работы в саду платье. Закрепив на голове вуаль, Луиза еще раз, но более настойчиво подергала сонетку. Никого.

Кричать было бесполезно, поэтому она, покинув комнату, быстро сбежала по ступеням. Слуги необычайно шумно сновали по дому: подметали лестницы, терли стены, убирали в гардеробных и между делом судачили друг с другом. Завидя Луизу, каждый почтительно кланялся.

– Ваша популярность растет, – услышала она добродушный голос. – Вижу, домашняя челядь предупредительна и крайне услужлива. Стол, как и полагается, давно накрыт. Вы позавтракаете со мной, баронесса?

– Что за шутки, господин Ральф? Время завтрака миновало. Я ищу Марту.

– Какая жалость, но я все же рискну появиться в обеденном зале, ибо страшно голоден, – Ральф поклонился и исчез за дверью.

Луиза пожала плечами, не собираясь объяснять командиру, что не намерена пользоваться господской столовой, и вернулась к себе. Через час, так и не дождавшись служанки, она все же решилась одна отправиться проведать мужа прачки Эльзы. Увидев, как садовник выезжает сквозь поднятые ворота замка, Луиза отвернулась, едва сдерживая себя, чтобы в безумном порыве не броситься следом, и прибавила шаг.

– Ваши мази и припарки, госпожа, оказались чудодейственными. Муж поправляется. Мы молимся за вас станем.

– Выполняйте все, что я вам велела. И простите, что пришла без гостинцев. Марта куда-то подевалась.

– Я видела ее с госпожой Ханной.

– Вот как! – удивилась Луиза. – А где Сорванец?

– Убежал с ребятами рыбу удить.

– Я скоро приду поиграть с ним.

– Вот малыш обрадуется!

Глава 8

Вернувшись к себе, она нашла на столе полное блюдо с закуской: сыр, хлеб, кусок холодного мяса, кувшин с пивом, – и принялась за еду, недоумевая:

– Куда же Марта запропастилась?

Луиза полдня как привидение одна бродила по дому и двору, безуспешно размышляя над странной пустотой вокруг себя.

Вечером вместо Марты появилась незнакомая служанка. Она принесла ужин. Луиза притворилась, что спит.

«В какой же кошмарный переплет я попала, – подумала она, – одного тирана поменяла на других. Не могу дождаться прихода кормилицы и ее подпевал, этих интриганок, замысливших превратить меня во вдову барона. Они обязательно явятся. О, да, и получат такой отпор, что...». – Луиза не находила слов.

Она стала понимать, что три служанки, чувствуя себя на особом положении, плетут вокруг нее паутину заговора, чтобы добиться от нее согласия на чудовищную ложь.

– Что вы задумали, несчастные? Решили проучить меня за непослушание или сломить мою волю? Отлично! Я принимаю ваш вызов!

Два дня продолжалась тихая война: баронесса не выходила из комнаты, ни с кем не разговаривала, упрямо занималась починкой постельного белья. Служанки прятались на своей половине.

Барон так и не появился.

Луиза надела будничное домотканое платье, но не смогла отказаться от шелкового пояска и перчаток. Она намеревалась отправиться в сад.

– Силы небесные, во что вы одеты? – перед ней стояла Ханна, подбоченившись и недовольно хмурясь. – Позор, да и только!

– Кто может осудить бедную вдову? – вызывающе задрала подбородок Луиза. – Дорогие наряды ей не по чину!

– А вот дерзить старой, но доброй женщине не нужно, – миролюбиво фыркнула Ханна, внутренне восторгаясь силой характера девушки.

– Да, вы были добры ко мне, но чем вы лучше барона–тюремщика? Так же хотите, чтобы я поступала, как желаете вы. Предпочту оставаться в тюрьме, хоть и без цепей.

– Я привязалась к тебе, а ты причиняешь великую печаль, – обиженно потупилась Ханна.

– Сожалею, но сглаживать высказанные слова не собираюсь. А вы можете вернуться на свою прекрасную половину и не тревожить меня заведомо непригодными наставлениями, – Луиза умолкла, побоявшись, что серьезно обидела кормилицу.

– Если не хотите слушать мои советы, надоели заботы и поучения, я тотчас уйду, но сперва хочу увидеть королевские бумаги.

– Вон они, забирайте!

– Почему не вскрыли? – взяв в руки пакет, спросила Ханна. – И сундук не тронут, а там богатые наряды, достойные баронессы. На днях еще придут.

Луиза промолчала.

– Потрудитесь ответить, баронесса!

– Вы не вправе допрашивать меня, кормилица.

– Ах, бросьте, – ничуть не оскорбилась Ханна. – Я с самого начала отказалась от мысли поссориться с вами. Есть вопросы и поважнее глупых женских обид.

– Рыться в сундуках и читать чужие письма? – ехидно полюбопытствовала Луиза.

– Не перегибай палку, девушка! Начинаю уставать от презрительных насмешек и колкостей. Я не допущу подобной непочтительности. Помни о чести титула!

Негодование кормилицы застало Луизу врасплох, но она продолжила сопротивляться:

– Простите мою вспыльчивость. Мы с вами не в равном положении: вы вырастили наследника знатного рода, а я самозванка, которую пытаются превратить в баронессу.

– Ты сама об этом заговорила. Моя преданность Фон Гартманам безгранична, – мягко упрекнула кормилица. – Это ты должна помнить. – И в следующее мгновение раздался голос, резкий, как удар хлыста: – Замок дождется возвращения истинного наследника, а пока мы сделаем все, чтобы его не захватили стервятники.

– Я в отличие от вас ничего не должна ни этому замку, ни этой фамилии. Спокойствие, безмятежность, мирная деревенская жизнь – вот, о чем я мечтала... А на что обрекаете меня вы?

– Ох, госпожа, не нужно все портить! – появившись за спиной кормилицы, воскликнула Марта. – Вы будете самой восхитительной баронессой, станете принимать гостей, ездить на охоту, танцевать и... предстанете перед королем.

Луиза не верила своим ушам:

– Ты на чьей стороне, Марта?

– На стороне баронессы, – не задумываясь, ответила служанка, в молитвенном жесте сложив ручки и преданно заглянув в глаза. Потом она по-хозяйски подошла к сундуку, подняла его массивную крышку и принялась с преувеличенным восторгом вытаскивать его содержимое.

– Ах, в жизни не видела такой красоты, такого великолепия. Атласные, шерстяные, бархатные наряды, золотые броши, пряжки, костяные гребни, серебряные украшения...

– Побросай их обратно в сундук! – взвизгнула Луиза, даже не взглянув на вещи.

– Прошу прощения, – расстроилась Марта.

– Это нужно немедленно прекратить!

– Да что с вами сегодня происходит?

– Трудно ожидать здравых поступков от женщины, которая настолько глупа, что не понимает своей выгоды в мало-мальски разумном поведении. Придется взять дело в свои руки, – не выдержала Ханна и крикнула: – Марта, разбери все это!

– Слушаюсь, госпожа Ханна! С превеликим удовольствием!

– Раз так, делайте, что хотите, но без меня!

Луиза выскочила в коридор, в сердцах хлопнув дверью, и помчалась, глотая от обиды слезы.

– Что за чертова неразбериха, – Ханна устало опустилась на стул. – Пойдем, Марта, найдем Ральфа и Зельму, совет держать будем, а то сладу нет с этой девчонкой.

Луиза, не замечая усердно раскланивающихся при виде ее слуг, пересекла внутренний двор и остановилась у подъемных ворот, которые вели за пределы замка.

– Я хочу осмотреть окрестности, – выпалила Луиза вышедшему к ней привратнику, который, если и удивился, возражать не осмелился и услужливо распахнул входную калитку.

«Надо доложить командиру, – подумал привратник, глядя вслед удаляющейся баронессе.

Луиза бездумно шла по наезженной дороге. За ней зорко следили со сторожевых башен замка.

«Надо доложить командиру, – подумал дозорный, когда баронесса скрылась из виду на тропинке к озеру.

Срывая на ходу стебли травы, наслаждаясь солнечным теплом, тишиной и покоем летнего дня, Луиза вышла к небольшому озеру с желтыми водяными лилиями и плакучими ивами по берегам. Тут же недалеко приютилась старая неказистая сторожка, увитая плющом.

Отринув тревожные мысли, девушка присела на камень у кромки воды, тихонько засмеялась, заприметив дикую утку с выводком, даже не подозревая, какой разговор ведется о ней на половине Ханны.

– Куда она подевалась? – поспешно вошла в комнату Зельма, плюхнулась в кресло и непритворно рассердилась: – Ее поведение недопустимо.

– Бьюсь об заклад, не придет и к ужину, – усмехнулся Ральф. – У госпожи железная воля.

– Надеюсь, она уже всласть навоевалась, остыла, – предположила Ханна. – От всей души на это надеюсь.

– Слабо верится, – засомневалась Марта, – бежала по двору будто гончая. Глаза, мечущие янтарные молнии, быстро у нее не остывают.

– Оставим это. Злые слова имеют последствия, а нам и так не сладко. Баронесса упорно сопротивляется нашим планам.

– Сладкого захотелось? А ты медом помажь свои надежды, или мухи, или осы обязательно слетятся.

– Что за вредное создание!

– Потому, как лишнего рассуждать не люблю. Безрассудная! – раскуривая трубку, буркнула Зельма.

– Надо доказать, что она ошибается, – вмешался в извечную перепалку старушек Ральф. – Она – истинная баронесса, умная гордая, смелая. Впрочем, особого выбора у нас нет.

– Баронесса боится, что не справится.

– Очень скоро освоится она с этой ролью. И в поклонниках недостатка не будет.

– А если барон, хозяин наш, вернется? Не сносить головы, – робко выдавила Марта.

– Бывают превратности судьбы, мало ли что может случиться, – задумалась кормилица.

– Привилегиями наградит, дарами осыплет, когда получит готовую баронессу. Разве не за этим он к королю отправился, да вернуться забыл? – по-своему рассудила Зельма.

– Нужно сделать все, чтобы оттянуть объявление о судьбе барона. Пока тихо. Не первый раз хозяин долго отсутствует, – высказал предложение Ральф. – Но надо быть готовыми к наплыву разных визитеров: соседей, друзей... людей короля.

– И прочих дармоедов и прихлебателей, – не преминула съязвить Зельма.

– Предоставьте это мне, я отыщу способ обезопасить замок от нашествия нежеланных гостей. Только как побороть сопротивление госпожи?

– Будет упорствовать. Придется набраться терпения.

– Станем давить на жалость. Скажем, что без хозяйки замок святоши оттяпают, разорят, обрекут на нищенство, люди пойдут по миру, а Сорванца отдадут в рабочий дом, – предложил Ральф. – Как считаешь, Марта, справимся?

Марта, с трудом сдерживая слезы от картин предстоящих несчастий, заикаясь, ответила:

– Господь поможет нам в этом святом деле.

– Что за пергамент здесь лежит? – Зельма подошла к сундуку и подняла над головой пакет. – С красными шнурами да печатями.

– Это разрешение короля на брак барона Фон Гартмана. Нашли в седельной сумке его коня.

Зельма почесала подбородок и легонько прошлась пальцами по сургучной печати.

– Только посмей!

– Ой, сломалась печать. – И ворчливо добавила: – Слишком тонкая, совсем хрупкая. – Зельма протянула сложенный лист Ральфу: – Читай!

Ральф торжественно огласил текст грамоты.

– Глядите–ка, подпись самого короля! Теперь не надо бежать, не надо лгать, не придется умирать. Эта чертова грамота сулит большие выгоды, если использовать ее с умом. – Проница-

тельность и находчивость Зельмы могли любого поставить в тупик или подсказать спасительный выход.

– Что нам теперь делать? – спросила Марта у кормилицы.

– Будем действовать, как задумали.

– Кому поручим переговоры?

Глаза всех трех женщин вонзились в Ральфа.

Ральф едва не рассмеялся:

– Приму огонь на себя.

Глава 9

Кастелян барона Шольц скрывался. Устроив в замке пожар, спасаясь от неминуемой расправы, он надеялся добраться до королевского дворца и найти там пристанище. Благо дело, в городе у него были подельники, знакомые ростовщики, крупные картежные должники. Не гнушался он общаться и с преступным сбродом.

Его тщеславие, изворотливый ум, звериное чутье позволяли вести двойную жизнь: респектабельного кастеляна процветающего замка барона Фон Гартмана и циничного мошенника и игрока. Больше всего на свете он любил себя и все, что ему принадлежало, но пресмыкался перед бароном, рассыпался в поклонах, цветистых комплиментах его воинской доблести, дружбе с королем.

В замке барона Шольц был мастер проводить турниры и званые вечера, куда съезжались благородные гости и рыцари в надежде найти невесту с хорошим приданым, а знатные девы – богатых женихов. Для своего же хозяина он устраивал ночные пирушки с обильным возлиянием и шумные оргии со шлюхами.

Но вот барон притащил в замок странную девушку и отказался от прежних привычек. Шольц посмеивался над страстью хозяина, пока сам не столкнулся лицом к лицу с этой женщиной. Она буквально околдовала его, самым возмутительным образом заняла все его помыслы, он не понимал, как ей удалось это сделать. «Ведьма! Одно слово – ведьма!».

Она дважды ускользнула от него, но он умеет расставлять сети и поджидать добычу. Она умрет, но сначала он насладится ее телом.

Шольц затаился на время, укрывшись в заброшенной сторожке у озера.

После позорного поражения от кормилицы и дряхлой служанки он до беспамятства напился и рухнул на постель, смахнув прикроватную свечу.

Загорелся его камзол, брошенный на пол. Пламя перекинулось на свисающее покрывало. Шольц очнулся от обжигающей боли и вскочил, будто от укуса разъяренной осы, впившейся в его бок. Со слезящимися от дыма глазами, едва уворачиваясь от жалящих огненных языков, он, чудом опалив только волосы, выскочил во двор и сбежал с пожарища за мгновение до того, как появились перепуганные слуги.

Отсутствие хозяина позволяло ему оставаться в стороне от дел.

Выглядел он отвратительно: болезненное желание обладать баронессой ожесточило, иссушило, состарило. Плотно сбита фигура одрябла, и только глаза горели фанатичным блеском.

– Что ты со мной сделала, проклятая? Никто и не догадывается, насколько близок я к безумию, но рано или поздно ты попадешься.

Внезапно Шольц почувствовал какое-то движение у озера, он кинулся к щели в стене. Сказочное видение воспалило мозг – среди желтых водяных лилий молодая сирена, распустив волосы, сидела на камне и тихо раскачивалась под песню ветра и аккомпанемент волны. Он протер глаза, но волшебница не исчезла. Жадный взгляд пробежал по фигуре незнакомки. И когда она подняла лицо к солнцу, он с мрачным ликованием прошипел:

– Баронесса!

Все мучения последних недель исчезли, не оставив и следа. Губы его растянулись в хищной улыбке, когда подумал о своем неизбежном триумфе над самонадеянной распутницей.

Шольц, глядя на девушку, не мог избавиться от воспоминаний о ее обнаженной груди. И дабы избежать искушения легко поддаться велению плоти, изнутри его пожирающего, и не пасть к ногам этой дьяволицы, он с размаху ударил себя по лицу, распаляя свою ненависть.

Луиза почувствовала на себе чужой злобный взгляд. Заслышав хруст сухих веток, вскочила и спряталась, прильнув к замшелому валуну рядом с густым терновником и молодыми осинками.

– Скрываетесь, дорогая? Выходите, я же знаю, что вы здесь, я ждал, что вы выкинете что-нибудь в этом роде. – Он вытащил из-за пояса моток прочной тесьмы и быстро соорудил веревочную петлю.

Лицо девушки исказила гримаса отвращения. Не выходя из укрытия, она гневно воскликнула:

– Что вы делаете на моей земле? Явились без разрешения и будете наказаны.

В ответ прозвучал лишь злорадный смех.

– Убирайся отсюда, пока тебя не схватила стража, – приказала Луиза. Тем временем Шольц осторожно двигался на голос, чтобы схватить наглую девку, возмнившую себя баронессой.

– Выходи, и ты получишь удовольствие, которое могу дать только я, настоящий мужчина, – от нетерпения он облизал губы.

– Надоедливый хлыщ. Твои угрозы не страшнее комариного писка.

– Ты сама утверждала, что комары умеют досаждают.

Луиза маленькими шажками стала осторожно пробираться к тропинке, ведущей к замку, но остановилась, зацепившись за колючки терновника.

– Ты дразнишь меня! Хочешь поиграть! Что ж давай! – неслышно подкравшись к девушке, Шольц схватил ее за руку.

Она попыталась отскочить в сторону, но он не ослабил хватку и потянул девушку к себе:

– Никуда не убежишь!

Луиза задрожала, дыхание ее участилось, и она сделала вид, что теряет сознание. Когда Шольц обнял ее, чтобы удержать, она с силой толкнула его в колючие заросли и бросилась в сторону, чем еще больше его разозлила:

– Мерзавка, тебя это не спасет!

С хищным упорством надвигаясь на нее, Шольц задыхался от ярости, по лицу градом лил пот. Он с корнем вырвал молодую осинку, в которую мертвой хваткой вцепилась девушка, и поволок ее к берегу. Луиза и не подозревала, насколько он силен. Она упала, отползла, вскочила на ноги, от удара в спину снова упала, но продолжала отчаянно отбиваться.

Шольц дотащил сопротивляющуюся баронессу до раскидистой ивы, поставил ее на колени, ловко накинуд петлю на шею и потянул, чтобы удавка поглубже врезалась в горло. Секунды шли, Луиза стала задыхаться, перед глазами замелькали разноцветные пятна. Впервые стало по-настоящему страшно.

Сквозь удушье Луиза во все глаза смотрела на своего палача – истязателя: она не может умереть подобным образом. Из последних сил вцепившись в веревку, стала оттягивать петлю. Из ссадин потекла кровь. Потухающий взгляд уткнулся в наполненные ненавистью безумные глаза убийцы.

В следующее мгновение с дерева камнем слетело дикое существо и зубами вонзилось в ухо Шольца. От неожиданности и боли он взревел и закрутился на месте, судорожно пытаясь сбросить вцепившегося в него волчонка. Цепкий мальчишка продолжал колотить превосходившего его силой и ростом мужчину, молотил ногами по ребрам, бил по глазам, дергал за волосы, кусал.

Веревка выскользнула из рук Шольца, Луиза не удержалась и покатила по небольшому склону. Судорожные хрипы, вырвавшиеся из саднящего горла, вызвали приступ тошноты. Но мешкать было нельзя, подонок мог убить ребенка. Она скинула петлю, бросилась под ноги кастеляна и, обхватив их веревкой, рывком потянула на себя. Шольц не удержался и упал. Мальчонка откатился в сторону, поднялся, оседлал распростершуюся тушу и стал хлестать по

лицу. Луиза подхватила большой камень и со всего размаху обрушила его на колено злодея. Раздался хруст, дикий вопль, и все стихло.

– Помоги связать, – крикнула Луиза.

Вдвоем они привязали неподвижное тело к стволу дерева.

– Откуда ты здесь, Сорванец?

– Ходил удить рыбу, а потом влез на дерево, хотел напугать друзей.

– Напугал?

– Нет. Они ушли. Но пришла ты, и я стал любоваться тобой. Ты была похожа на русалку.

Пока я решал, кто ты: фея или русалка, появился этот тролль. Он убил бы тебя, Фея.

– Ты вовремя, Сорванец, – ощупывая саднящие следы от веревки, прохрипела Луиза и улыбнулась дрожащими губами.

– Чего мы ждем, Фея?

– Жалею, что у меня нет кинжала, чтобы перерезать глотку этому борову.

– Будь у тебя в руках вилы, насадила бы его как куропатку.

– Не желаю смотреть на эту падаль.

Послышался топот копыт, и через мгновение верхом на коне появился встревоженный Ральф.

– Вот вы где! Что за безрассудство! – Командир перевел взгляд с порванного платья баронессы на связанного кастеляна и моментально оценил ситуацию:

– Он не обидел вас? Мой меч покарает мерзкого ублюдка!

Луиза прижала к себе Сорванца:

– Вот мой спаситель.

– Ааа, должен был догадаться – молодая ведьма призвала демонов, – поглаживая свободной рукой разбитое колено, зарычал очнувшийся Шольц. – И ты тоже ослеплен этой безродной! Под ее окнами толпятся только конюшие, повара да лакеи. Она гнушается высокородными рыцарями и вельможами.

– Заткнись, груда дерьма! Не старайся, твои грязные речи не смогут запятнать доброе имя этой женщины, склонись перед благороднейшей баронессой Фон Гартман.

– Ты прав, жалкий прихвостень, ее лучше объявить святой, чем ведьмой. Иначе барон останется без лакомого кусочка. Монахи с жадной готовностью расправятся с ней.

– Вор и мошенник. Я распорю твоё брюхо! – Ральф соскочил с коня и ринулся на обидчика.

– Взять чью-то жизнь – это смертный грех, командир. Исповедь – вот, что ему нужно.

– Достойнее ответа не найти.

Ральф презрительно сплюнул:

– Я успел предпринять меры, чтобы остановить утечку денег из баронской казны. Госпожа избавила тебя от величайшего несчастья – ты так и не узнаешь дорогу на виселицу. Жаль. Пойдемте, баронесса, я отвезу вас в замок.

Ральф передал Луизу в руки Марты, Сорванца вернул матери, а сам направился к кормилице.

– Хвала господу, дозорные доложили, куда направилась баронесса. Я успел вовремя. Ее схватил кастелян, но она отважно билась с ним, гнусной своей цели он не добился.

– Зачем ты его отпустил? Его дыхание оскверняет воздух, – возмутилась Зельма. – Его следовало уничтожить или до смерти запугать и вышвырнуть из замка. Эта гадука еще натворит бед.

– Его злоба опаснее змеиного укуса, – согласилась с ней Ханна.

– Ему вырвали жало. Будьте уверены, я не допущу, чтобы он причинил баронессе зло. А сейчас ею занимается Марта.

Пока Ральф рассказывал старушкам о происшествии на озере, о маленьком герое–спасителе, Зельма барабанила по столу пальцами и даже не закурила свою трубку.

– Самое время добиться согласия баронессы, – заявила она.

– Следует проявить большую осмотрительность и мягкость при разговоре с госпожой, – возразил Ральф. – Мы должны помнить, что она заглянула в лицо смерти. Ей сейчас нелегко.

– Не позволяй неуместной жалости изменить наше решение, командир Шнейдер, – твердо произнесла Ханна.

Марта без лишних слов хлопотала у постели измученной страхами и глубокими багровыми ссадинами хозяйки. Шея и руки были промыты и смазаны чудо-мазью, которую приготовила кормилица. Служанка быстро надела на Луизу ночную рубашку и уложила в постель:

– Принести что-нибудь, может, бокал вина?

– Будь добра. Оно поможет расслабиться и уснуть без сновидений.

– Слушаюсь, ваша милость.

Глава 10

Отношения с заговорщиками, как стала их называть Луиза, были натянутыми. Каждое слово ранило, словно острый кинжал, хотелось сильно закричать, чтобы они отказались от безумной авантюры. «Что помешает барону, когда он вернется, сделать ее послушной женой, заставить делить с ним постель?» – содрогнулась она от страшной мысли. Раздражало и назойливое ворчание Марты о нежелании хозяйки объявить людям барона, что отныне она госпожа этого замка.

– О, вы не правы в своем упрямстве, ваша милость, – не преминула высказать сожаление служанка, когда Луиза в очередной раз отказалась надеть богатые одежды и драгоценности. – Ни в одном замке не сыскать такой красавицы, и нет таких изысканных нарядов. Только так должна выглядеть настоящая благородная дама, баронесса.

– Скажите, пожалуйста, как давно ты одевала баронессу? Кто тебя научил, паршивка, так со мной разговаривать? Убирайся! Я не нуждаюсь в твоей помощи.

Марта обиделась и жалобно заскулила. Когда было нужно, она умела искусно проливать слезы.

– Хорошо, останься! Но больше ни слова.

Служанка взяла nedovязанные чулки, пряжу со спицами, сунула их в корзину и, не заботясь о том, что все может спутаться, уселась в дальнем углу комнаты.

Луиза опять погрузилась в раздумья. Она прекрасно понимала, что живет в мире, которым управляют мужчины. Сможет ли слабая женщина вынести тяжесть груза, который хотят взвалить на нее, не сломается ли? Но также она понимала, что не выживет без защиты, которую ей даст имя барона и положение баронессы, и готова была без особых уговоров согласиться с этим.

Марта, предупредив, что командир Ральф, временно взявший на себя управление замком, просит принять его в полдень, нарядила ее в красивое серебристое платье с расширяющимися книзу рукавами, на голову надела серебряный обруч, который придал ей изысканную строгость.

Ровно в полдень двери комнаты распахнулись, и в них с подчеркнутым почтением вошел рыцарь Ральф Шнейдер в парадном одеянии. За ним вплыли Ханна, Зельма, тоже соответствующие одетые.

Ральф торжественно поднял руку, призывая к вниманию:

– Ваша милость! Мы не можем более скрывать правду. У вас было время принять решение. Все, кто носит оружие, ждут сигнала, чтобы присягнуть на верность новой баронессе.

– Люди готовы повиноваться, – согласно кивнули служанки.

– Я думала, что вы, вы мой самый близкий друг, но...

– Всегда к услугам баронессы!

Вперед выступили Ханна и Зельма.

– Не время высказывать обиды, – строго прервала Ханна. – Вы больше не можете уклоняться от ответа.

– Барон не был примерным хозяином, но никто не помер от голода, не пошел по миру, не потерял крышу над головой.

– Все несчастья его правления остались в прошлом.

– Сегодня люди напуганы, они не умеют жить без хозяина.

– Они боятся безжалостных захватчиков, алчных церковников, болезней и смертей. Но более всего страшатся безвластия.

Слова женщин звучали торжественно-печально и строго.

– Они не сделали ничего плохого, что будет с их детьми? – со слезами в голосе произнесла Марта.

Слова служанки отрезвили Луизу, стоящую с неприступным видом.

Она ощутила укол совести и какое-то время была не в состоянии что-либо ответить. Однако гордо взглянула на визитеров и с достоинством ответила:

– Не надо жертв, я согласна. Принимаю ваши условия и выдвигаю свои.

– Справедливо.

– Когда явится барон или его наследник, вы, господин рыцарь, поможете мне скрыться, увезете в безопасное место.

И еще одно – заново отстройте и переселите семью Эльзы в дом кастеляна.

– Я прослежу, чтобы им было оказано уважение.

– Присядем. Марта, пусть принесут вина.

– Я уже позаботилась, госпожа Ханна. – Марта зашла за ширму и вынесла поднос с серебряными кубками.

– Виват баронессе Фон Гартман! – провозгласил Ральф.

– Завтра мы торжественно объявим вас новой хозяйкой замка Фон Гартман. Вы получите благословение святой церкви. К церемонии все готово.

– Никто не усомнится в вашем праве – мы предъявим королевскую грамоту. – Ральф достал сложенный пополам пергамент с красными печатями.

Луиза не осмелилась открыто перечить. Она не верила, что служанки–старушки могли сплести такую затейливую ложь, но внутренне восхитилась их находчивостью и бесстрашием.

Колокольный звон огласил внутренний двор замка Фон Гартман, созывая людей. Впрочем, этого и не требовалось – с самого утра жители собрались у парадного входа в нетерпеливом ожидании.

Над головами простиралось высокое безоблачное небо.

Раздались громкие звуки труб и рогов, и во двор замка въехал под фамильными знаменами отряд рыцарей личной охраны барона.

Впереди на боевом коне восседал командир Ральф Шнейдер, облаченный в прекрасные доспехи тонкой работы, шею закрывало ожерелье в форме подковы, на руках браслеты с вставками из необработанного янтаря, на отделанном серебром поясе висел меч.

За всадниками шествовал пеший эскорт в накладных кольчугах с пиками наперевес.

Молодые девушки в одинаковых нарядах держали в руках букеты остролиста.

Парадные двери распахнулись, и баронесса в платье зеленого бархата, с золотым обручем на голове, из – под которого спускалась шелковая вуаль, величественно прошествовала вперед.

Люди громко приветствовали ее и расступались, давая пройти.

Луиза подошла к трону, установленному на высоком помосте в центре двора и выпрямилась во весь рост.

Вперед выступил командир и громко произнес на латыни:

– Юго! Клянемся!

Рыцари разом вскинули клинки и опустили на одно колено, принося клятву верности.

Капеллан объявил:

– Баронесса Луиза Фон Гартман отныне обладает властью вершить судьбу вверенных ей людей. Святая церковь дает благословение на грядущие перемены. Пусть мир и покой не покинут нашу землю. Да снизойдут на нее изобилие и божья благодать.

Луизе водрузили на голову венки из остролиста.

Люди напирали, стараясь услышать и увидеть как можно больше. Они восторженно славили баронессу. Пролил легкий дождь. Священник назвал это хорошим знамением на богатый урожай.

Ральф подал знак выкатить бочку эля.

Как неожиданно и непредсказуемо изменилась ее жизнь, та, прошлая, потеряна для нее навсегда.

Понемногу Луиза стала привыкать к новому положению хозяйки замка.

Первым делом она назначила нового кастеляна. Им стал Мартин, бывший рыцарь.

Глава 11

В придорожный трактир «Голова вепря» вошел посетитель в необычной одежде.

«По всему видно высокородный вельможа», – подумал трактирщик, оценив добротный камзол путника.

– Устройте моего коня, напоите, а мне подайте побольше еды, – властно приказал он. – И пиво не вздумайте разбавить водой.

Трактирщик кивнул на вопрошающий взгляд слуги.

Такое поведение явно произвело впечатление на хозяина и немногочисленных посетителей. Они с нескрываемым интересом рассматривали новое лицо. Слуги и половые забежали.

– Господин закажет комнату?

– Да! – усевшись за стол и вытянув ноги в проходе, ответил гость. – И желательно без клопов! Я чертовски устал и хочу выспаться. А это за труды и хорошие условия! – молодой человек небрежно бросил на стол монету.

– Господин угостит Йохана пивом и узнает последние новости этой округи. – К столу подошел старик с лукавым взглядом и в знак приветствия приподнял поношенную шляпу.

– Зачем мне твои новости, старик?

– Чтобы стать умнее!

– Ты считаешь меня глупцом? – удивился гость.

– Добрым глупцом.

– Опять удивил.

– Ты задал пустой вопрос, но не стал кричать и не выгнал меня вон.

– Занятный ты человек, Йохан, садись и рассказывай свои новости. – Заезжий путник налил полную кружку пива из услужливо поднесенного трактирщиком кувшина и пододвинул старику.

– Спасибо за человека, меня давно так не называли, – Йохан присел и с наслаждением отпил пенного. – Не разбавлено! – крикнул он, чем вызвал громкий смех нового знакомого.

– Меня зовут Карл, – представился незнакомец. – И я жду твоих новостей.

– Куда держит путь distinguished господин Карл?

– Distinguished господин направляется в замок барона Фон Гартмана.

– И вы хотите увидеть ее!

– Кого ее? – не понял Карл.

– Несравненную баронессу.

– Я возвращаюсь домой, где не был десять лет, – почему-то рассердился Карл.

– Возвращение блудного сына?

– Скорее, племянника.

– До замка два дня пути.

– Скажи, Йохан, безопасны ныне здесь дороги? Не далее как вчера пришлось схватиться за меч.

– Всякое случается, – уклонился от прямого ответа старик.

– Кого следует опасаться?

– Держись подальше от дорог, по которым маршируют королевские войска и колонны рыцарей с оруженосцами. Приграничные войны. Мятежные бароны не дают покоя нашему королю. Можешь стать легкой добычей – забреют в солдаты, и поминай, как звали.

– Наш король могущественный монарх и отважный воин. Не шесть шрамов на его благородном теле, – донеслось из-за соседнего стола.

– И немало разоренных деревень, – буркнул Йохан.

– Следы многочисленных битв и сражений, – был упрямый ответ.

– Поговаривают, что сам король пленен несравненной красотой баронессы, – вмешался в спор трактирщик, опасаясь драки. Ему удалось перевести разговор на безопасную тему.

– Неужели вы думаете, что король не знает о деве, которая у всех на устах. Все барды и миннезингеры восхваляют ее красоту в песнях и балладах.

– Осыпают одами и поэмами.

Карл удивленно поставил кувшин на стол, заметив небывалое оживление в зале. Посетители задвигали стульями, лавками, некоторые встали с мест, другие пересели поближе к их столу, оживленно включаясь в разговор. «Неужели небольшая горстка людей может создать такой шум? Поразительно и любопытно», – подумал он, с нескрываемым интересом вслушиваясь в возбужденные речи о таинственной баронессе.

– Хозяйка замка Фон Гартман правит строго, но справедливо... Ее любят и почитают.

– Поместья ее процветают, люди усердно работают, не голодают.

– Даже пастухи, гонявшие стада через ее земли, без конца говорят о ней.

– Монахини поют хвалу ее добродетели.

– Грабители возвращают украденное, когда узнают, чьим имуществом поживились.

– Неужели? – опешил Карл, пряча улыбку за поднятой кружкой.

– Ходят слухи, что за нее дрались на дуэли.

– Эка невидаль, праздные бароны за каждую юбку готовы обнажить шпаги.

– Говорят, кастелян замка ума лишился от любви.

– Мошенник и прохвост. Соврет – недорого возьмет.

– Эта женщина – святая, обладает чудесной силой! А иначе как объяснить усмирение ею дикого коня! Вот послушай, добрый господин, – пылко заговорил Йохан. – Необъезженный конь вырвался на волю и чуть не затоптал детей, игравших на лужайке. Один только взгляд баронессы – и конь покорно умчался прочь.

– Ведьма!

– Святая, способная творить чудеса, – без тени сомнения произнес Йохан.

– Говорю же, ведьма, и глаз у нее колдовской.

– Что ни на есть святая, – гнул свое Йохан.

– Похоже, обычные дела люди принимают за чудеса, – небрежно заметил Карл. – Любопытно.

Он предпочел более не вмешиваться в этот спор. Осознавая, что большая часть невероятных рассказов о баронессе выдумки, и в то же время крайне заинтригованный Карл хотел немедленно отправиться в путь, но было слишком поздно и небезопасно одному пускаться в дорогу. Наконец, почувствовав усталость, он встал из-за стола и вручил монету старику:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.